

18+

Леонид
Куликовский

Чувство
сопричастности

Леонид Куликовский

Чувство сопричастности

<https://litres.ru/74172282>

ISBN 9785007069274

Аннотация

Часто бывают моменты, когда мы испытываем чувство сопричастности и единства со всем миром, живым и растительным. Это чувство возникает у автора этой книги, когда он касается тех героев, о которых пишет: исторических деятелей, простых людей или представителей животного мира.

Моменты сопричастности и единства с самой жизнью.

Повесть «Поэмы прерванный аккорд» и рассказ «Странник, словом очарованный» ранее были опубликованы в книге «Неизгладимый след».

Содержание

Автор о себе	6
О птицах	10
ВОРОНА	10
ЛАСТОЧКИ	24
СОРОКИ	39
Повести и рассказы	58
ФУЭТЕ 2	58
Часть 1	58
Часть 2	90
Часть 3	123
Конец ознакомительного фрагмента.	151

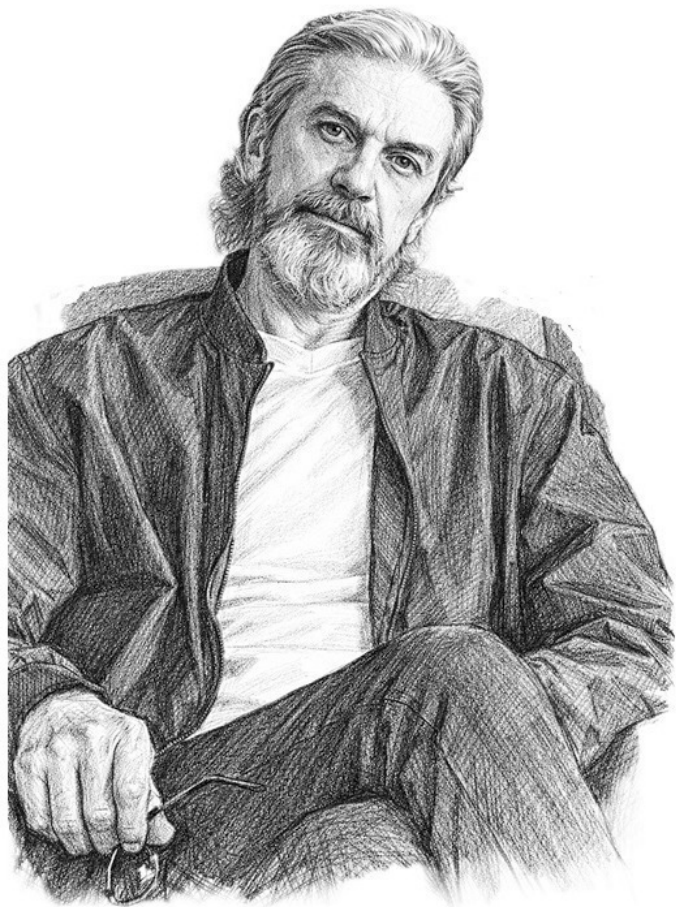
Чувство сопричастности

Леонид Куликовский

© Леонид Куликовский, 2026

ISBN 978-5-0070-6927-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Куликовский Леонид Феликсович

Автор о себе

Родился 14 января 1956 года, седьмым ребёнком в семье, на прииске Крутой, в двенадцати километрах от Магдагачи, Амурской области. Вскоре прииск был закрыт, и жители его переехали в посёлок. Всё детство провёл среди прекрасной природы, среди лесов и озёр, какие в обилие были на Крутом. Об этом немало говорится в цикле рассказов «Мозаика детства».

Отец, Феликс Иосифович Куликовский, в начале тридцатых годов двадцатого века он вместе с братом и сестрой был выслан из Белоруссии на Дальний Восток за неповиновение добровольно вступить в ряды коллективного хозяйства.

По исследованиям моих родственников по линии отца, они принадлежали к одному из ветвей польских дворян Куликовских, но эта информация требует тщательной проверки, так как сам отец на этот счёт всегда умалчивал, и это было понятно, чтобы не навредить своей семье. Во второй половине тридцатых, точно не могу сказать, он с братом Романом был арестован вторично, но расследование показало, что был просто оговор на них и их отпустили.

Кратко об этом упомянуто в повести «Однажды цыганка гадала» и очерке «Семь Я», (похоронен в Магдагачи).

Мама, Шарапова Надежда Павловна выросла в богатой семье землевладельцев Томской губернии.

Во время коллективизации её отец, а мой дед Павел Васильевич Шарапов, добровольно сдал всё имущество и хозяйство в колхоз и стал его председателем, так как был в большом авторитете у односельчан. Это время затронуто в очерках «Домой!» и «Семь Я».

В 1963 году пошёл в школу №156, в первый класс, в старое здание школы, которого уже не существует. Читай очерк «Контурсы прошлого», «В первый класс», «На коммунальной квартире».

В 1971 году закончил восьмилетку и перешёл в среднюю школу №155 и закончил успешно в 1973 году. Рассказы «Другая школа», «Уходящий в будущее» об этом. В этом же году поступил в высшее учебное заведение, политехнический институт в городе Томске.

В 1978 году ушёл служить в ряды Советской армии, в городе Новосибирске. После демобилизации вернулся домой, в Магдагачи. Работал один год помощником машиниста на железной дороге при магдагачинском локомотивном депо. Это время упомянуто в рассказе «Перипетии жизни».

По окончании института ушёл служить офицером в Вооружённые Силы Советской армии (Витебская область, Белорусия). После увольнения в запас, переехал жить в Украину, город Кировоград (Елисаветград).

Работал инженером-конструктором, предпринимателем, заместителем генерального директора товарно-сырьевой биржи, менеджером по продажам в сельском хозяйстве, по-

жарником во время учёбы в институте. После выхода на пенсию подрабатывал таксистом.

Трое детей: дочь, сын, дочь.

Начал писать в 62 года.

Первая книга «Мозаика детства» написана в 2021 году.

Вторая «Контурь прошлого» — в 2022 году.

Третья «Центры притяжения» — в 2025 году.

Четвёртая книга «Чувство сопричастности» — 2026 году.

«Чувство сопричастности творит чудеса. Быть не рядом, а вместе — вот девиз подлинной человечности».

Станислав Ежи Лец

«... Постарайтесь возродить в своей памяти эти особенные мгновения, когда вы, вдруг! — начинали чувствовать себя абсолютно живым и исполненным радости! Когда вы чувствовали восторг исключительно потому, что — здесь и сейчас — вы живете! Когда вы позволили своему сердцу раскрыться, чтобы нежно полюбить и быть любимыми, когда вы находились в потоке гармонии с окружающим вас миром...»

Джозел и Мишель Леви

О птицах

ВОРОНА

*Во дворе я — королева.
Вон мой дом, на ветке слева.
Птица в перьях чёрно-серых,
Я умна, хитра, проворна
Я... [1]*

Ворона сидела на высоком дереве, осматривала прилегающий двор к домам, сверху ей было хорошо всё видно. Была она не то, чтобы старая, но опытная и седая. Нет, воронённость своего крыла не теряла, просто годами была вся в седине, по-вороньему конечно. Она жила себе и жила, как много других ворон, которые обитали в разных районах большого города, мало ли их на свете таких, как она... Однако эта ворона жила в этом дворе, прихвостизировала его и прикрывала, а значит считала его своим. Она позволяла людям гулять по двору, отдыхать на его территории, но не тогда, когда у неё появлялись птенцы. Природа, её законы, заставляли даже ворон задумываться о своём потомстве, они задумывались... После глубоких «раздумий», выводили в городе своих птенцов. Это было помимо их воле. Зачем? — воро-

ны не знали, но следовали законам, подчиняющих себе их и других птиц. Наша ворона облюбовала себе место выводить птенцов в самом центре города, в небольшой сосновой рощице, между большим жилым домом и школой.

В свободное от потомства время, ворона садилась на какой-нибудь ветке так, чтобы она всё видала, а её не было заметно. Сидела и лениво поглядывала на проходящих людей, они ей не доставляли особой мороки, но в силу своей опытности, нелёгких прожитых лет, была всегда начеку, озиралась по сторонам и поглядывала назад, а вдруг!.. Этот «вдруг» случался с ней. Была она сама беспокойной, вредливой и любила делать пакость, пусть невеликую, но такую, чтобы помнили люди, вот люди время от времени давали ей ответку. Посиживала, посматривала вокруг и рассуждала. Рассудливая ворона попалась, не только вредливая...

— А ещё мог быть «вдруг» такой, — думала она и вспоминала минувшее, — такой, что какой-нибудь озорник возьмёт, да и запустит в меня камешком, мальчишки, они такие — хулиганы, одно слово... Потом на кого пенять? — сама засмотрелась, занежилась на солнышке. Как бы не старалась быть на дозоре, а удозорить всё невозможно. И откуда ж только такие сорванцы берутся, тьфу ты! Нет должного воспитания, а результат — страдай тут, старой вороне... Надо что-нибудь у них шпионерить у этих пионеров, надо. Ладно погодите-ка, вот появятся у меня птенцы, уж тогда я вам припомню, а сейчас что-то леньность одолевает, солнышко пригревает, сонливое состояние. Вон внизу людишки, смешной народ, всегда куда-то спешат, всё двигаются и двигаются. Сверху то всё видно, кто и что... Напридумали себе машин всяких и давай куда-то ехать. А куды ехать то, а? Куды спешить? Мне вон двор приглянулся, я и верна ему, уж который год. Скольких воронят здесь высидела, не счесть. Э-э повырастали мои воронята, тоже поди летают туды-сюды, туда-сюды, не сидится молодым, а к матери бы заглянуть? Поди и не помнят уже старую ворону. Вот так мои милые воронята постепенно превращаются в вороньё, сколько их стаями летают, куды?..

После птенцов, когда они разлетались из родного гнезда в самостоятельную жизнь, селилась в ней тоска и одиночество, потом проходило, но этот период она тяжело переживала. Уходили заботы, её беспокойства, хлопоты о своих де-

тях. За заботой о потомстве вороне было не до скуки, только успевай разворачиваться. Хорошо, когда два птенца, а ежели три, четыре? Ох тяжкие времена наступали, но и это проходило, а далее?.. Она, по опыту, знала, что всё проходит, а всё ж мать. И сердце материнское не железное, даже воронье. Птенцы, окрепнув, чаще и чаще летали в соседние дворы, может и далее, а потом и вовсе пропадали в свою жизнь. Поневоле предашься хандре. Сначала треволнения касались её одним крылом, птенцы доставляли ей много суматохи и хлопот, довести бы до ума, вывести в вороны...

Потом случилась свобода и отдых — птенцы выросли, окрепли. Казалось, здесь надо бы радоваться, но постепенно скука и уныние касались вторым крылом, надо за кем-то ухаживать, ведь в привычке уже... Свобода, оно такое — надоедает. Со скукой возвращалась вредность, желание напакостить людям, а почему нет? вон они годами ухаживают за детьми и зимой, и летом вместе. Идут, весело разговаривают, смеются, можно ли вытерпеть такое, когда тоска лютая гложет? Глядела на них и селилась в ней зависть. Подступала непонятно как, а потом завладевала ею.

Шло время, и это нехорошее чувство проходило, оставалось её воронья жизнь. Надо было думать о будущем новом потомстве, а до него жизнь текла в меру вредная, в меру вороватая, не утерпеть, когда что-нибудь блеснит, сверкает. Такое должно быть у вороны!.. Ворона воровала, приносила к себе в гнездо, но кому? блестящее её уже не радовало, а во-

ронята разлетелись по белу свету, где сыскать. Ладно, пусть останется будущим птенцам. Кто заглянул бы к вороне в её домик, удивился его обилию всякой всячины. Эта «всякая всячина» привлекала ворону особенно в её период брачных игр, а что? — ворона наша была хоть куда!.. И черна, и умна, и задириста. В этот период шло обустройство гнезда, для его украшения шло многое: кусочки фарфора, черепицы, блестящего металла, серебряная фольга, а также яркие ленты для показа своего превосходства над другими воронами. Что не сделаешь для избранного супруга и будущего потомства. Правда «избранный» «сделал дело, где-то гуляет смело», а гнездо осталось таким, каким его прибрала мамаша для воронят. Своя жизнь, свои законы, свои нравы, пусть вороны, но удивительные.

Если бы была возможность расспросить нашу ворону о жизни своей, о проделках, приключениях, что входит в рацион питания, то её рассказы можно было бы слушать часами...

...Она бы поведала, что наблюдая за вороньим народом, можно заметить насколько все-таки они расчётливые и умные птицы. Учёные и те пристально изучали ворон, пришли к выводу, что эти создания способны к обучению, и даже к использованию инструментов, способных облегчить жизнь. Речь идет о тоненьких палочках, чтобы вытаскивать жуков из древесной коры или просунуть в трубочке застрявшую

пищу. Эти птицы планируют свои действия, свое поведение и решают весьма успешно поставленные исследователями перед ними задачи. Смекалистые создания!..

Смекалка проявляется во многих случаях, когда нужно расколоть орех, который не могут одолеть, ни клювом, ни лапками, тогда они поднимаются в воздух и бросают орех на автомобильную трассу. Колеса машин разрушают скорлупу и вороны выклёвывают ядра. Причём делают это вблизи пешеходных переходов, когда загорается зелёный светофор, они тут как тут. А ещё они с высоты бросают на камни моллюсков, чтобы жесткий панцирь разбился и тогда доступ к питательному содержимому открыт. Ученые утверждают, что вороны — отличные добытчики еды, при этом используют на подобие шпионских навыков, то есть выслеживают взрослую птицу, чтобы та привела ворон к своему гнезду с птенцами.

Чтобы вороны были гурманами, так нет, в еде непривередливы. Птицы эти неприхотливые создания, могут кушать, клевать практически все, что попадает им на пути. Пищеварительная система каркуш приспособлена к широкому выбору пищи. Не брезгуют и мусорными баками, свалками и падалью. Иной раз их называют падальщиками. Однако надо заметить, в сухомятку не любят есть. Знают, что это плохо сказывается на процессе пищеварения, отсюда вороны много пьют воды. Свои правила хорошего тона, промывают некоторую пищу чистой водой. Пауки для вороны — привычное лакомство. Вороны — хищники, поедают диких птичек и уго-

щаются их яйцами, не пропускают мимо небольших млекопитающих, ящериц. Отдельные виды едят кротов, моллюсков и червей. Более того, вороны не прочь полакомиться насекомыми: кузнечиками, жуками, саранчой. Много входит в их меню, всё сгодится...

Для ворон яблоко — яство. Они не прочь поесть: и виноград, и бобы, и горошек, и вишню, и кукурузу, и некоторые дикие виды фруктов. Особенно уважают посевы пшеницы, ячменя, гречихи, а также семена тыкв, кабачков и патиссонов. Склёвывают клюкву, можжевельник, пасленовые и зимние ягоды. Имея сполна пищи, они припрятывают её на

«чёрный день», чтобы в трудные часы воспользоваться своими «заначками», мало ли что... Жизнь, она такая штука. В поисках пищи наибольшую активность вороны проявляют по утрам и вечерам. В остальное время, предаются отдыху, то есть, как люди, любят побездельничать, «повалять Петрушку».

...Вот, в основном, чтобы нам рассказала ворона. Из её рассказов мы бы узнали и о таком, что в ней есть обида на людей за свою сородичку, которая была высмеяна баснописцем, уронившую «кусочек сыру»... [2]

— Ишь удумали, сделать из ворон дур, — ворчала наша ворона, — Якобы они могут поддаться плутовской лести. Уверяю, чушь несусветная! Никогда племя моё не позволило бы от лживости выронить то, что послал нам бог. Хотела бы я посмотреть на ту лису, сколь ей пришлось бы сидеть, изливать похвалу и выжидать сыр. Она успела бы состариться, прежде чем, я, например, позволила бы утерять сыр. Ха!.. Смешные людишки... А ещё сказку напридумали, что из моей родни одну ворону в острог засадили, «за железные засовы, за булатные замки» на срок вечный. [3] Вот ведь выдумщики! Да и много чего навывдумывали про нас, про ворон...

Если бы могла говорить по человечески, она бы обязательно подразнила кого-то, если бы могла смеяться, то похохотала бы над кем-то. А то вылетало из клюва только «кар», да «кар». Конечно в один звук ворона много, какие поня-

тия вкладывала. Разные значения: возмущения, зова птенцов, предупреждений об опасности, отвлекания от птенцов, гнезда. Замечала всякие оплошности у людей, их привычки, пристрастия в употреблении и еды и разных напитков. Зорко следила за мужицкими попойками. Нагуляются, напьются — тут тебе можно поживиться, ведь уж ни бельмеса сообразить не могут, знай таскай у них из под носа. Так что много чего ей виделось с высоты и наблюдалось за людьми.

Какой бы ворона не была вредной, сварливой и вороватой, а всё же, как мамаша, она была заботливая и догляд за своими птенцами имела аккуратный, даже сверх заботливый. Время когда высиживала яйца было для неё отдыхом, сидела и сидела, вылетая лишь для того, чтобы себя подпитать и быстренько в гнездо, не приведи того, чтобы будущих детёнышей охладить, остынуть могут. Она даже была доброй в это время и никого не задирала. Сидела, внимательно приглядывалась, чтобы никакой «Мурчик», никаким чином не пожаловал незванно. Эти похуже сорванцов мальчишек. И как только, изловчась, лазают по деревьям. Прислушивалась к звукам города, будущему потомству, не пискнул ли, ой! то есть не каркнул ли кто... Правда «кар» ещё не получался у маленьких, у них выкаркивался только звук «ар-р», но мамаша научит, как правильно звуки испускать.

День, когда вылуплялись из яиц все птенцы, наступал и мамаша принималась за дело, кормила...

Время шло и потомство подрастало. Как только птенец

начал вылетать из гнезда, через рощицу к школе и обратно ходить становилось опасно. Птенец учился летать, а мать его зорко следила за ним, всегда находясь поблизости, где-нибудь на сосновой ветке. Вот неумеха сидит, распутив крылья на земле, а мимо, вдруг нечаянно, кто-то проходит. Ворона мгновенно нападает, клюёт в голову и опять на свой пост. Доставалось всем: и взрослым, и детям — кто под руку попадёт, то есть под клюв. В школе быстро все узнали о слишком сердитой «мамаше» и стали обходить стороной сосновую рощу, даже через двор боялись ходить. Взрослые часто попадались «под клюв». Каждый день со двора доносились крики обиженных, после которых слышались возмущённые слова, смысл которых ворона не знала, однако по тону чувствовала, что хорошего ей не сулили «в так, перетак!».

Как-то вдоль дома шла, прогуливаясь и мирно беседуя, семейная пара с ребёнком в небольшой летней коляске. Совершенно не подозревая, что в траве, совсем рядом, сидит воронёнок, а за его покоем сверху зорко следит матушка-ворона. Люди посмели вторгнуться в сферу внимания семейства вороны, этого она потерпеть не могла, налетела на отца семейства, больно «вразумила» его в черепную коробку и мгновенно исчезла. От неожиданности и от боли он схватился за голову, завопил на весь двор и выпустил из рук коляску. Ребёнок падает и тоже начинает громко плакать. Жена, не понимая почему муж бросил коляску, начинает кричать на него. Все кричат!.. Ворона сидит на сосне, поглядывает на

эту сцену и следит за воронёнком, который, наконец, взлетает на ветку. Мамаше можно расслабиться.

Все вокруг с нетерпением ждали, когда же это пернатое дитя начнёт летать, тогда уклад жизни, прилегающих к рощице домов, входил в своё привычное русло. И повторялось это из года в год. Постепенно ворона всех приучила к порядку, как только очередной птенец вылетал из гнезда, по двору старались не ходить от греха подальше. Жители дома, школьники знали эту хулиганку «в лицо», наблюдали за слу-

чайными бедолагами, попадавшими под клюв вороны.

Однажды июльским ранним утром, когда прохожих ещё не было, жителям дома из окна, предстала такая картина. Знакомая ворона притаилась среди сосновых веток. Она внимательно наблюдала за соседом, жителем этого дома, который только что подъехал на своей машине, вышел из неё, поставил на крышу машины кассету с яйцами. Сосед раз в неделю ездил в деревню к родителям и всегда привозил оттуда свежие овощи, ягоды, молоко, яйца. Как положено, если родители живут в деревне. Вот и в этот раз вернулся не с пустыми руками. Но что-то случилось с машиной, и мужчина, постелив коврик, залез под машину. Ворона же тихонько спустилась на крышу машины, широко раскрыла клюв и, захватив одно яйцо (как только оно поместилось), унесла его в гнездо, потом ещё одно и ещё, и ещё. Раннее утро, часов пять, тишина, вокруг ни души, тихий двор дома, человек закончил свои дела с машиной, убрал коврик, берет кассету с яйцами и не верит своим глазам — почти половина отсутствует. Как так!.. Никого не было, никто не подходил к машине, что произошло, не могли же они бесследно исчезнуть... Он долго стоит молча, озирается вокруг, никого нет, никто не проходил, а яиц нет. Недоумение во всём: как идёт к подъезду, как озирается, как пожимает плечами, возвращается к машине, заглядывает в неё, обходит вокруг, и не найдя объяснения, уходит домой.

...Так и жила ворона не то, чтобы старая, но опытная и седая. А люди её старались не обижать и не обижаться. Терпеливо сносили несколько лет заботу о своих птенцах, стараясь понять её агрессию, её беспокойство — везде своя жизнь. И была эта жизнь другая на одной с ними планете, даже стране и даже одном городе. Кто подсказал вороне свить гнездо именно в этом дворе, именно на этой сосне? — никто. У неё своя была мысль, своя логика, свои интересы и любила она сидеть в свободное от кормления и птенцов на ветке дерева, зорко наблюдать за действиями людей и подмечать все нюансы поведения. А как видела нерадивость, тут же пользовалась их ошибками.

Сидела, наблюдала, рассуждала и ворчала. А как не поворчать, ведь годы-то в седине были:

— Ежели кто думает, что мои сородичи лишка не дают, ой! дают... Всякого ненужного можно насмотреться. Катаются на качелях, а зачем? баловство одно. Видела я как одной моей родственнице вздумалось покататься на качелях, что при доме, на детской площадке. По качельке пройдет на приподнятый конец, он опустится, потом проходит на другой и так далее, баловство и только. А ещё катаются с крыши, делать им нечего что ли? Возьмут приспособление и давай с покатою снежной крыши скользить, умора одна... А мне сказывали, что повадились они кататься с куполов колокольни и храмов самого Кремля, так насилу отвಾದили их от этого, война была настоящая, страсти какие! Вот я и говорю — ба-

ловство, а оно вишь к чему ведёт? Нет, надо ко всему подходить с умом, с толком, чтоб оправдано было, а что это? Шалость, чудачество... А иные что удумали, дразнить собак или кошек — это уж совсем не по вороньи! Задиристость должно быть оправдано, на леший вызывать лишнюю агрессию. Да и как не стать яростным, той же собаке, когда подходят к ним и своим каменным клювом долбанут в зад. Поневоле взъерепенишься, а ну ка, как схватят? Ой бывало, бывало. Так то вот и в моей родне тоже всякое бывает, а зачем?..

Апрель 2025 года, Калгари

[1] Загадка

[2] Басня *Ивана Крылова* «Лисица и ворона»

[3] Сказка *Владимира Даля* «Ворона»

ЛАСТОЧКИ

* * *

Ближе к весне, ещё снег не успел сойти, а на уровне моего окна сороки стали сооружать себе гнездо. Мы знали, что сороки — птицы беспокойные, однако гнездо разорять не стали, чему быть, тому быть. Гнездо получилось славное, целое сооружение. С самого утра они заводили свои «разговоры» и разборки, но если «белобоки» так решили, значит так распорядилась жизнь. За сороками наблюдать интересно, свои нюансы, свои законы, сорочьи конечно, но поразительно разумные птицы. Возможно, я напишу когда-нибудь о них, а сейчас о птицах, но других. Я своими наблюдениями и опасениями, что скоро жизнь станет более беспокойная, поделился с моим другом Натальей... Она и рассказала мне о том, как у них давно, в её детстве, поселились ласточки, милые и непоседливые, заботливые и стремительные. Перед рассказом о птицах, Наталья не могла обойти вниманием свой дом, где располагался и какой он был. Ведь дом для многих остался сакральным местом, где не только родился человек, а где формировался, рос, закалялся характер и уже из него выходил в широкий мир, но неизмеримо больше того, что перечислено. Дом, повторяю то, что когда-то написал: *«Дом — это... Произнесите протяжно Д-О-О-ОМ! и вам будет слы-*

шаться только «ом»! А «ом» является самым священным звуком в некоторых восточных религиях и учениях, это по сути АУМ, где А — огонь, У — тепло, а М — символизирует воду. Три звука, означающих рай, землю, подземное царство, а также — грёзы, сон и явь. Три способности человека — желание, знание, действие. Значений этого триединства много...». [1] Если у кого не было этого, просим прощения, а кто прошёл и понимает о чём мы с Натальей говорим, поймёт нас... Думаю важно, куда выходила улица, какой открывался вид и простор к реке, что происходило по весне и какое было окружение. Обо всём том, что составляло в нашем пробежавшем детстве «абсолютное счастье». Слагается такое счастье просто: ты юн, безмятежен, здоров и главное живы твои родители, а значит есть дом, улица и целая ватага таких же сверстников. Целый день, если нет срочной работы, громкие крики, подвижные игры и весёлый детский смех. Так, как мы в детстве смеялись, уже во взрослом своём состоянии не получалось выдать из себя искренний залиvistый смех.

1

— Наш дом стоял на краю посёлка, в самом конце седьмой улицы. Дом и сейчас живой и стоит, но не наш, поэтому я сказала в прошедшем времени, стоял. Издавно пошёл отчёт улиц, начиная от железнодорожной станции. Правильнее сказать в самом начале улицы, если учитывать номера

домов. Что я помню это то, что стоит до сих пор перед глазами — наш дом и огород, залитый солнцем. Дом наш был светлый, светлый, очень... Все соседи, как заходили к нам первое, что говорили: «Какой у вас светлый дом!».

Так вот, если пройти два-три дома будет проулочек, а потом скоро ты уже стоишь перед залитой солнцем поймой речки, нашей Магдагачки. Вёснами, когда сходил снег, всё пространство заливало водой, луг превращался на широкую реку, за ней начинался лес, левее виднелись сопки. Вид нашей Магадагачи без сопок, если не упомянуть их, значит сказать о другой местности. Когда сходила вода, начинало цвести и покрываться зеленью округа, тогда воздух стоял такой, о каком моя мама как-то сказала: «его можно было пить стаканами...». Он был напоён не просто весной, а всей весной расцветающего нашего края, так было хорошо, так было красиво, что внутри пело и расцветало вместе с природой. Ко всему добавлялся медовый запах, у нас в саду стояли ульи с пчёлами и цвет распустившихся яблонь и черёмухи, добавлял свой неповторимый аромат в густоту благоухания. А ещё, представьте голубое небо, залитый солнцем луг, множество цветов и журчание речушки, бегущей среди этого великолепия, с водой чистой, как стёклышко прозрачной. Любый камешек, травинка была видна и мы любовались, а летом, бывало, опустим в такую воду лицо, откроем глаза в воде и представляем себя в другом мире. Ну как же хорошо-то было! Как же здорово! Как ещё можно назвать? — золотое

время!

Приходила эта пора цветочного рая, мы с подружками бы-

ли в нём, внутри его, выходили в луга и плели венки. Не усидеть было, слишком соскучились за долгую зиму по всей этой поющей, звучащей природе. И правда — всё звучало, возрождалось не только зеленым, но и звуками, какие зимой не услышишь. Помните, как впервые звучала в пространстве кукушка? Всё в тебе встрепелётся, зовом потянется, куда? зачем? — никто не знал, но вся задрожит, примолкнешь и считаешь, считаешь её кукование. Странно и хорошо одновременно. К ней, как птице можно по-разному относиться, но она была символом прорыва в новую звуковую реальность. Я прочитала, что она, кукушка в фольклорах многих народов часто символизирует одиночество. Может и так, но я не могу согласиться. В алтайских мифах ей тоже посвящены места и объясняется, что что кукушка во время большого праздника, устроенного верховным богом Кудаем высиживала птенцов. Возмутился не на шутку бог и сказал:

— Раз ты на мой праздник не смогла прийти, ты теперь никогда своих птенцов не будешь вскармливать!

Так кукушка весь век живет без пары, не имеет собственного гнезда и яйца откладывает в чужие гнезда. Такие легенды сложены вокруг этой птицы, а я люблю её «ку-ку!». В славянской мифологии она, птица-вещунья, символ времени. Древние славяне верили, что кукушка зимнее время проводит в Ирии, царстве богов и мертвых душ, поэтому она может поведать о сроках рождения и смерти, о том, как долго будет продолжителен союз между двумя людьми, о наступ-

лении гроз, дождей, холодов или засухи. Вот как, ну разве она простая она птица, конечно нет!

Ладно отвлеклись малость. Подходила пора и мы дружной компанией отправлялись за речку, в лесок, там любили собирать дикий лук. Вы собирали дикий лук? Конечно собирали!.. Можно ли представить нас, не знающих вкуса и дикого лука, и дикого чеснока, и дикого щавеля. Помнишь, когда зацветал багульник, мы были среди этой сиреневой благодати, и также рвёшь и кушаешь цветочки. Разве можно такое забыть?..

Нашими постоянными лесными гостями были птички, да простые птички, которые по каким-то признакам находили наш дом, мама их подкармливала, она особенно сочувствовала птичкам. В морозные дни, если вдруг птичий завтрак запаздывал, лесные гости усаживались в рядок на подоконник и терпеливо ждали, иногда не очень терпеливо: постукивали клювиками в стекло. Весной и летом разные птицы вили гнёзда на деревьях в огороде, под крышей дома, за наличниками окон. Родители терпеливо смотрели на такое соседство и даже, как могли помогали с кормом.

За улицей мухинской, по проулочку бил из под земли родничок, весёлый, журчащий. Меня сейчас раскритикуют, что это ты обыкновенный родничок одушевила и наделила такими эпитетами, а он был такой, я ничего не придумываю, именно весёлый и журчащий. А по-другому не могло быть, скольких людей он поил, сколько в моём раннем детстве к

нему спешило конских подвод с бочками и всем, всем он давал водицы, никому не отказывал.

Целой компанией по весне, с девочками ходили за подснежниками, позже колокольчиками на ближнюю сопку. Далее немногим, была гора Арестантка, попадая на неё, менялось наше поведение, как по мановению волшебной палочки, мы умирляли свой задор и пыл и были какие-то притихшие. Видимо сказывались присутствие недалёкого кладбища и могильных крестов на горе...

Мы с сестрой, набегавшись, нагонявшись до упаду прибежали домой и каждый день, когда дела заканчивались, садились на ступеньки крыльца и разговаривали, а как мы с жаром говорили! рассказывали, делились впечатлениями, могли долго-долго разговаривать. И всё было интересно, а родители? Откуда у них было столько такта нас не перебивать, а участвовать в рассказах, подсказывать нам, откуда у простых людей было столько живого участия в нас, детях. Ведь работы у них было выше крыши, не только по домашнему хозяйству, но они трудились и на производстве. Им хватало времени и терпения на всё: на нас, работу, птиц, скотину, которую тогда держали почти в каждом хозяйстве. Удивительные люди были и не потому, что мои родители, потому что время было такое, какое их закалило, сделало непробиваемыми невздам, испытаниям, а ведь многие из них были фронтовиками. Не было в них озлобленности, психических отклонений, о которых сейчас вещают с любого экрана. Это были

добрые, заботливые люди, прошедшие и «крым, и рым», то есть огонь, воду и медные трубы. Моя дядя, старший брат папы, ушёл на войну в первый же день, а вернулся уже после победы, другой дядя ушёл на войну осенью того же года и тоже вернулся после окончания войны. Николай Тихонов писал о таких людях: «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей». [2]

2

— Но вернёмся к нашим птахам, а то мысль такая штука, уносит её, она и гуляет полями и долами, а у меня в моём детстве, ой! много чего вспомнить можно и всё оно будет светится радостью. Так вот!

Однажды пара ласточек поселилась у нас в стайке, где жила корова. Корове они не мешали, и она видимо тоже им была хорошей соседкой. Под мерное пережёвывание пищи, ласточки знай делали своё дело, высиживали потомство. А мы с сестрой бегали смотрели, когда же появятся птенцы, как они высовывают свои широкие клювики и ждут порцию насекомых. Гнёздышко слепили на славу, куда-то летали и носили грязь, глину, а известно, что ласточки приносят счастье и благополучие в дом, под крышей которого свили гнездо. В народе о ласточке сложено немало сказок и легенд, ходили поверья, что птица вообще становится оберегом от воров и пожаров. Поэтому разорять жилище ласточек нельзя было,

ни в коем случае, тогда по примете, несчастья и беды не заставят себя ждать. Не потому, что такие поверья ходили и мы их слышали, а потому ещё, что какая-то доброта исходила от людей, которые много чего пережили. А моим родителям, что маме, что папе много чего пришлось повидать и испытать довелось. Моя мама родилась в Саратовской области и пережили голод такой, что опухали животики, дети тыкали в друг друга пальчиками, а ямки от них не заполнялись, так и оставались ямками. Пережив такое, откуда бралась доброта и теплота сердца, до сих пор остаётся загадкой. Папа мой в раннем возрасте остался без мамы, все невзгоды нёс на себе с братьями, а их оставалось на шее отца семь человек и ни одного не сдал в детдома, всех вывел в люди. Вот какие были люди, точно надо было из таких «гвозди делать».

А ласточки вывели птенцов и стали, естественно, ухаживать за ними. Потом учили птенцов летать. Как только птенчик устаёт и начинает падать, мама-ласточка под него подлетает и подставляет свою спинку, птенчик лапками оттолкнётся от мамы и опять вверх взмывает. Вот оно, удивительное и рядом, смотри, наблюдай и удивляйся.

К нам давно приболудился и жил кот, весь рыжий, такой большой, но на удивление спокойный, я бы даже сказала рассудительный, хотя к коту странно такое определение давать, но оно почему-то уместным мне кажется. Однако нахождение кота беспокоили ласточек, как только он садился и наблюдал, то ласточка начинала метаться перед ногами мамы

моей. Не сразу она смогла объяснить себе, в чём дело, почему ласточка в беспокойстве вся? А когда поняла, то следующие разы уже спешила к гнезду со словами:

— Ну что опять случилось, что?.. Кот пожаловал? Ах, он негодник!.. Ну полетели, полетели, мои хорошие, гнать его в шею, ишь повадился хищник. Полетели, прогоним его скорее...

Ласточка летела впереди, а за ней с метлой спешила мама.

Ласточки поняли, где искать защиту, и если поблизости появлялся пушистый хищник, летели к маме, где бы ни была, во дворе или в огороде и начинали с тревожным криком летать перед ногами — всё понятно!.. Мама бросала любое дело и тут же спешила на выручку. Она всегда следила, чтобы рядом не было кошек. Удивительно!..

Этот кот, возможно, просто сидел и наблюдал жизнь, другую, более беспокойную, но и охраняемую хозяевами. Любова-лся, чуял, что нельзя трогать, нельзя, у хозяев не забалуешь. Кто знает?.. А может быть у кота просыпался охотничий инстинкт и хищнический рефлекс, хотелось ему в прыжке достать птиц. Он сидел и поглядывал на гнездо, допрыгнуть не мог никак, а в полёте ласточки одни из самых быстрых и маневренных. В процессе полета эти птицы способны ловить даже самых быстрых насекомых. Но птиц пугал всем своим кошачьим видом. Чисто хищник, не иначе. Завидя издали спешащих хозяйку и ласточку, он уже знал, что может и метлой достаться по хвосту, стремглав исчезал в зарослях

огорода.

С этим котом был тоже интересный случай. Мы ходили на рыбалку, много не наловили, скорее ноги «убили», но что-то в ведёрке плескалось. Вечером его поставили на крыльцо, надеялись, что утром «выловим» из него свой трофей и сварим уху, но утром ведро с рыбками было пусто. Куда подевались плавающие рыбки? Ясно коты «рыбачили». И видимо не один старался, а приводил свою компанию, всех соседских барсиков. В ведре ни одной рыбки, только песок на дне, как смогли принести его? вроде его не было, когда рыбки плавали.

Вот что интересно, что понимал он или нет, что достать стремительную ласточку нельзя с её скоростью, которая может достигать до ста двадцати километров в час? Или строгость в этом отношении хозяев и ему приходилось мириться и укрощать свой охотнический инстинкт? Попробуй-ка узнай...

Тайна, но ведь то, что дальше произошло, вообще говорит о птицах, да и про животных, что они намного чувствительнее и понятливее, чем о них принято думать.

Однажды, в один из весенних дней ласточка по привычке прилетела за помощью к маме, но мама не увидела кота поблизости, не поняла беспокойства птахи. Подошла к стайке, осмотрела, хищника не было, но... Птица всё равно беспокойно летала перед ногами, а потом улетела. Пожав плечами мама продолжала своё занятие, а в это время...

В это время папа, возвращаясь с работы, шёл по переулку,

что напротив дома. И ласточка бросилась под ноги к нему. Она до самой калитки летела впереди, то почти касаясь крылом земли, то взмывая вверх. Войдя во двор, папа тут же направился к стайке.

И вот тут всё стало понятно: упало гнездо... Видимо от времени. А в гнездо уже ласточки отложили яйца, вот под тяжестью их и самой ласточки, оно и отвалилось, слава богу яйца все остались неповреждёнными. Не переодевшись, не пообедав, папа взял суровые нитки и сплёл сеточку. Потом бережно положил в неё гнездо и крепко прибил гнездо на старое место. Всё это время две ласточки терпеливо сидели недалеко на заборе. Мама стояла рядом в качестве моральной поддержки, ну и присоветовать что... Волновались мои родители, как-то примут птахи своё обновлённое жильё. Какое-то время они кружили вокруг, не решаясь заглянуть, потом приняли укреплённое жильё, и птенчики вывелись вовремя. Последующее время берегли их от котов с маминой помощью, ну и метлы конечно. Знали шелудивые, что их ожидает, если застанут в неположенном месте. Ведь писк птенцов привлекал и соседских котов, а до птиц ой, как любопытны они. Могут изловить птичку на лету, сигая на недоступную, казалось высоту, уж так изловчатся, что диву можно даваться... Вот так! Несколько лет подряд селились в своём доме эти милые птички.

Чарльз Войси

И на следующий год опять прилетели наши одомашненные ласточки.

* * *

Наталья закончила свой рассказ, потом какое-то время молчала. Видимо давнее хорошей стороной коснулось её, она и не хотела его убирать, продлила ещё какое-то время в мыслях, в воспоминаниях, а я, естественно, вспоминал своё и своих ласточек, свой дом... От рассказа веяло простой жизнью, какая была и в моём детстве. Уклад дома, его обстановка накладывается своей печатью на всю оставшуюся жизнь. И какой бы она не была, а «даже самая бедная хижина может не оскорблять духовного чувства». [3] Детьми всё ви-

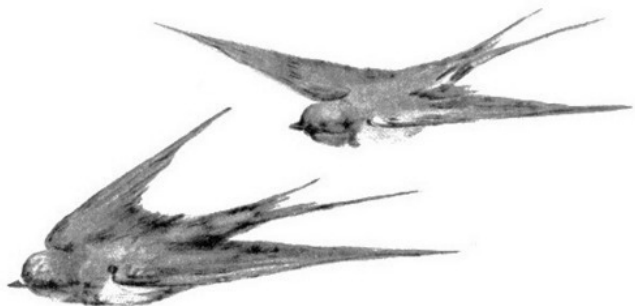
дится, всё замечается, ими всё прочувствуется и особенно замечается пустота жизни. «Дом наш был светлый-светлый, очень...», через столько лет Наталья помнит этот свет своего дома, построение всего обихода его и быта, потому что звучала в её доме молитва, не словами, а делами её родителей. Известно из древних времён, что лучше всего молитва живет в чистом и светлом доме.

Калгари март 2025 года

[1] Строки из моего очерка «Домой! Магдагачи»

[2] Стихотворение *Николая Тихонова* «Баллада о гвоздях» является гимном суровому военному подвигу

[3] Живая Этика. Аум.70

СОРОКИ

* * *

Хорошо становится, когда ощущаешь приближение весны. Зима морозами, снегами утомляет. Как бы она поначалу не радовала приходом Рождества, Нового Года, однако со временем наскучивает и душа просит тепла и солнца. Весна не торопится, с переменным успехом отбирает у зимы своё и поначалу неуверенно, то дохнёт теплом, и почки вот-вот готовы дать зелень, а потом отступает и выпадает снег... Грустное зрелище и разочарование... Длится ненадолго, снег тает..., вновь становится тепло и окрУга наполняется уже уверенным запахом весны. Хорошо! Пожалуй, лучшая пора времени года. Всё оживает, возрождается, будоражит, оглашается криками возвратившихся перелётных птиц. А с этим всем прилив сил, начало нового жизненного цикла. Однако, с наступлением тепла, наступает временное ухудшение психического и физического состояния, «весеннее обострение», как его определяют специалисты — сезонное аффективное расстройство. Оно проявляется не только весной, но чаще именно после зимы. Зимой многое в организме замедляется из-за нехватки витаминов и света, а весной начинает набирать обороты... Но что это в сравнении с тем, что творится вокруг?..

Когда откроется весной
Душа для радости земной,
Для счастья и забав;
Когда над розою своей
Опять влюбленный соловей
Воспрянет, зарыдав... [1]

Поэты наиболее чувствительные натуры к происходящему вокруг, могут тонко воспевать весну, её приход и приподнятость настроения. Кто, как не они, чутко мироощущают перепады времён года. Хотел бы и я подобным образом воспеть, но..., не дан мне дар поэтического выражения своих чувств, только восприятие, только внутренний трепет и отклик, только чувствование... А значит всё, что выше в стихотворной форме выражено, присуще и мне. Если не дано самому слагать, то буду пользоваться яркими выражениями уже известных творцов.

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он... [2]

* * *

Немногим ранее, когда ещё снег местами лежал, на уровне

моего окна сороки стали сооружать себе гнездо. Зов природы! То, что сороки — птицы беспокойные, знали по предыдущим годам, понимали, что «разговора» их станет столько под окном — хоть уши затыкай! однако гнездо разорять не стали, чему быть, тому быть. Гнездо у новых соседей получилось славное, целое сооружение, с крышей и входным отверстием сбоку, не гнездо, а домик настоящий. С самого утра они заводили свои «разговоры» и «разборки», что-то с жаром и настойчивостью «говорили» друг другу — треск стоял на всю округу. Беспокойные, мало сказано, они просто... Впрочем, если «белобоки» так решили, значит так распорядилась жизнь. К тому же, наблюдать интересно, не надо куда-то выезжать, садись и смотри, от моего письменного стола до гнезда, метра два... Метр до окна и метр от окна до гнезда! Сама природа дала возможность зрительно прикоснуться к одной из её проявлений. Прикоснулся!.. День за днём посчастливилось наблюдать за поведением этих птиц, оно забавное, свои нюансы, свои законы, сорочьи конечно, но бесспорно одно — сороки разумные птицы.

Гнездо сороки за окном

Сначала я увидел пару веточек, уложенных поперёк ответвлений на кустах сирени. Лежат и лежат, возможно, ветер занёс случайно, но увидел следующее, как к этому месту пробиралась одна из птиц и держала в клюве коротенькую веточку, а добравшись положила поперёк прежних двух. Так вот это что!.. Сороки строили себе гнездо. Образовали семью, «договорились», потрещали, сказали друг другу по-сорочьи и решили, что здесь должны быть выведены их детёныши. Ведь как-то заключили договор между собой? А «сговорившись», начали таскать строительный материал.

Поинтересовался и оказалось, что сороки создают пару на всю жизнь, что они верные супруги друг другу. Каким обра-

зом спаровались, по каким признакам и достоинствам заприметили друг друга, увидели прелесть и неотразимость партнёра? Загадка!.. Как у людей быть не может! Тогда каким образом?.. «Ты будешь моей!», — говорит сорока, который «он». А возможно сорока, которая «она», решает: «Ты будешь моим!». Ведь сумели как-то «сговориться»! Как? По сорочьей ли красоте они выбирают себе спутника жизни, по оперенью, а может по «треску», кто лучше и дольше издаёт стрекочущие звуки? Внешне абсолютно похожи друг на друга. Что влияет на избранность? Это на энергетическом уровне? По вредным или наоборот сорочьим добрым привычкам, «не гулящего, непьющего»? Поразительно, когда задумаешься, пусть на короткое время, тогда много вскрывается удивительностей.

Хорошо! выбрали друг друга, создали свою сорочью семью, теперь дело за малым организовать гнездо. Кто из них решает, что вот на этом месте быть ему?.. И кто где, где самец, а где самка? Одна сорока немногим меньше второй, а почему второй, а не второго? если один из них точно мужского рода, значит второго... Запутаться можно!.. Для себя, по какому-то наитию решил, что самочка это та, которая меньше, в ней было что-то грациозное, ну и она была более требовательна. Как увидел? Не знаю, я же говорю по наитию, так как не являюсь знатоком птиц, орнитологом, но понаблюдать, позамечать за ними, поудивляться — люблю! Когда такое проснулось? — не знаю... Года седые винов-

ны?.. Скорее всего! А заодно и детство вспомнил, как любил наблюдать. Так вот в поведении самочки, сказывалась какая-то женственность, если можно прислонить это выражение к птицам. Она больше, чем он, обустроивала внутреннее убранство «жилища», а сорок, буду так называть самца. Сорока и сорок. Сорок чаще носил строительный материал, словом был у сороки на побегушках.

«Стройматериал» не каждый день приносили, порою дней несколько отсутствовали, словно улетали на другую планету и, казалось, что покинули строить будущее гнездо, но... Птицы возвращались и продолжали начатое дело. Потом узнал по литературе, что эти птицы строят себе два-три гнезда, видимо в целях безопасности. Появлялись и весь день треща и, по-своему приговаривая, вновь строили...

Весна, наконец, одарила теплом и солнцем, появились почки, стала показываться в них зелень. Всё стало по весеннему приятно, не сыро, не промозгло, как осенью, а дышало своим уютом, хотя и как таковой жары не было. Зайцы, частые посетители нашего сада, тоже пропали и видимо озаботились своим потомством. Я же говорю — природа! Оживилось и другое пернатое население, запело, засвистело, бойко зачирикало, призывая обратить на себя внимание, у них ведь тоже должны были появиться свои птенцы, но не поблизости. Сороки строго пресекали любые попытки заселить рядом территорию. Пресекалось жёстко, не подпускали даже сородичей своих. Однажды, уж что случилось? произошла

драка между сороками. Они же для меня внешне одинаковы и не понять, кто где — свои или чужие. Присвоил сорок соседей к своим... Видно было, как один сорок яростно нападает на другого, при этом грозно треща по-сорочьи. Сначала мне показалось, что они устроили семейные разборки друг с другом, что-то не поделили, всякое бывает, мало ли... Но когда из гнезда показалась подруга того, кто яростно напал, стало ясно... Было посягновение на чужое! Как только вторая вылетела из гнезда, нахальник ретировался прочь. Домик был достойно отвоёван. Более подобного не видел, может и были случаи, но при моём отсутствии.

Как строили? Здесь загадка, в плане организации и планировании, видимо что-то заложено в их генетической памяти, если она есть. Удивляло зрителя, меня, вот что...

Приносит сорока или сорок веточку. Она мешает, задевает за кусты, она же в клюве, поперёк туловища и не даёт пролезть между ветками. Что делается? Выискивается путь до будущего гнезда, чтобы положить веточку. Перепрыгивая с ветви на ветвь, зигзагообразным путём, наконец, добирается до места назначения. Однако не просто кладёт её, а выискивает местечко, где точно необходимо положить и закрепить. А было и такое, что из клюва самца, самочка забирала веточку и сама укладывала на более подходящее место. Как она определяла такое место, трудно сказать, у сороки своя логика и мысль. Смотришь и удивляешься, как всё споро и выверено у них. Кто им подсказал, что именно это место сто-

ящее, а не на соседнем дереве — загадка. Кстати, начинали строить в двух местах, на одних кустах сирени, но потом перенесли ближе к стене дома и стало оно, гнездо, вровень моего окна, в метре от него.

Пришло время носить в уже готовое внешне гнездо сухие листья и грязь, чтобы старательно отделать внутреннюю часть своего жилища, вернее будущих птенцов. Подлетит сорока к деревцу, поозирается — нет врагов! Тут же быстренько юркает в гнездо и что-то старательно там умачивает, как она это делает не видно, но то, что старательно сомнений нет. И сорок работает не покладая крыльев, клюва и лап, приносит и отдаёт своей напарнице свой «кирпичик», та перехватывает опять заботливо укладывает. Не доверяет своему «возлюбленному» что ли? Потом улетаёт и она. Проходит минут пять десять, прилетают оба с полными клювами всякого мелкого хлама, она в гнездо, ювелирно (я так думаю) укладывает внутри мягкую подстилку из шерсти, травы или даже ниток, если найдутся. Сам сорок продолжает доделывать внешнюю сторону стенок более мелкими деталями, то корой дерева, то мелкими палочками, что не смогли большими ветками устелить и закрыть. Потом оба летят за очередной партией строительного материала.

Скоро ли долго, но наступает такой момент, когда надо им садиться и выводить птенцов.

* * *

Что известно о сороках, помимо моих наблюдений?

Сороки живут парами, которые образуют на всю жизнь. За каждой парой закреплена своя территория, на которую сороки прилетают выводить птенцов каждую весну. Птенцов выводят один раз в год, так как сорочата остаются с родителями до осени, пока не научатся добывать самостоятельно пищу. Потом молодые птицы отлетают и образуют небольшие юношеские группы (так утверждают наблюдатели), в редком случае подростки остаются с родителями до весны. В молодежных группах сороки учатся друг у друга новым навыкам, показывают свою удаль и присматриваются друг к другу, образуя пары. Если в молодежную группу вливается овдовевший взрослый, то он сразу получает много внимания от противоположного пола, поскольку является умнее и опытнее молодняка. Чаще всего сороки начинают выводить первых птенцов в возрасте двух лет.

Сорока — активный хищник. Её главные жертвы — насекомые, мыши, ящерицы, землеройки. При желании может поймать зайчонка или убить змею, также не брезгует падалью. Часто сопровождает крупных хищников в надежде покормиться объедками, более того — выводит их к добыче. Группы сорок могут вместе изводить хищных птиц, заставляя их бросить добычу. В гнездовой период ворует яйца и птенцов. Любит лакомиться ягодами, фруктами, орехами. В общем можно сказать, что сороки всеядные. Клюв у

них сильный и широко раскрывается. Предмет, диаметром до теннисного мяча, свободно может поместиться в клюве и быть унесёнными. То, что в рот не помещается, раздалбывается и все равно уносится по частям. Если предметов слишком много, и они не влезают все в рот, то сорока может додуматься сложить их, например, в носок и унести все вместе.

Они умны, хитры... Кто за сороками наблюдает, то отмечают их интеллект. Исследования показывают, что сороки обладают самосознанием, способностью решать задачи и даже узнавать себя в зеркале — редкое умение в животном мире. Их поведение часто сравнивают с поведением ворон и попугаев, других пернатых интеллектуалов. Отдельные наблюдатели отмечают, что сороки склонны к коллекционированию блестящих предметов, но другие учёные опровергают эти привычки у них, спорят на этот предмет: действительно ли их привлекает блеск. Одно бесспорно, за ними увлекательно наблюдать. Эти птицы строят большие куполообразные гнёзда и отважно, даже с яростью, защищают свою территорию, и такое мы наблюдали и уже знаем!..

Но при всей своей хищности сорока — сторож леса. Очень внимательная и чуткая, она предупреждает зверей об охотниках, о хищных птицах и других опасностях. В отличие от ворон, сорока не убивает мелких птиц. Поэтому вне гнездового периода лесные птички стараются держаться неподалеку от сорок, чтобы те оповещали их о хищниках. Сороки особенно опасаются сов. Обнаружив сову, окружают её и пу-

гающе трещат, делая выпады. У сороки нет зоба, но есть подклювный мешок. Она, как хомяк, набивает его едой и становится похожа на пеликана. В подклювном мешке родители носят корм птенцам. Птица может унести горсть кошачьего корма, набирает столько, что пасть не закрывается.

Британский эколог, Тим Беркхед [3] в течение десяти лет изучал поведение сорок. Он абсолютно уверен в том, что сороки воровством не промышляют. В результате своих наблюдений он писал: *«Нет абсолютно никаких свидетельств тому, что люди когда-либо находили блестящие предметы в сорочьих гнездах»*. Однако, по словам Беркхеда, сороки очень любопытны и действительно частенько подбирают различные предметы. Часто сорок содержали, как домашних питомцев, им предоставлялась не одна возможность подобрать ценную, блестящую вещь хозяев. Возможно, этим можно объяснить миф об их kleптомании.

Вопрос учёному:

— А правда ли то, что сороки безжалостно уничтожают других пернатых?

«Нет никаких сомнений, что они поедают яйца и птенцов певчих птиц, — говорит Беркхед, — Сорока, это злостный, шумный и назойливый хищник, продолжает он. Если вы с умилением наблюдали за тем, как пара дроздов вьет гнездо у вас в саду, разумеется, вас охватит праведный гнев при виде сороки, терзающей их птенцов на вашей лужайке. Но имеющихся данных недостаточно для того, чтобы утвер-

ждать, что хищнические повадки сорок привели к сокращению популяций певчих птиц».

Так ли это?.. Так! Подтверждаю! На моих глазах сороки заклевали только что окотившегося зайчика, пока я сбегал по лестнице, хотел спасти, но увы ночью зайчик ушёл за своими предками, не успев подышать и попугаться шумов земли. У сорок я пытался отобрать и птенца мелкой птицы, выпавшего из гнезда. Безуспешно, реакция сорок известна.

Более того, численность певчих птиц в лесистой местности росла наибольшими темпами именно тогда, когда пика достигала численность сорок в данном ареале. Можно предположить, что если численность певчих птиц и сокращалась, то не по вине сорок, а из-за ухудшения условий среды обитания. К таким же выводам пришли и авторы опубликованного в 1998 г. исследования, рассматривавшего динамику популяций певчих птиц за еще более продолжительный период времени.

«Гораздо большую проблему для наших садовых друзей представляют домашние кошки. Опасность кошек для певчих птиц, несомненно, очень велика, но при этом весь гнев среднестатистического любителя птиц направлен на сорок, — отмечает Беркхед, — Увы, сорок никто не понимает. Если бы они были редкими птицами, люди специально ездили бы за много километров, чтобы на них посмотреть. При ярком дневном свете они выглядят просто прелестно, с длинными хвостами и переливчатой игрой цвета на перьях».

...В домах, где приютили сорок часто «случаются разрушительные процессы и не потому, что они делают „со зла“, а потому что очень умные и любопытные. Эти птицы не могут жить без пищи для их ума, им надо думать, изучать, разбирать. Они как маленькие дети со сверхразвитой моторикой, гиперактивные. За ними, как за детьми — нужен глаз да глаз. Это очень активная и любознательная птица. Без передышки носится по квартире, трогает все, пробует „на зуб“ и пытается забрать, если понравилось» [4]. А, если хозяева пробуют приструнить шалуна, загнать его в клетку, то начинает скакать по веткам и носиться кругами, это действует на мозги больше, чем его пакости, ему «... надо залезть в каждую коробку и шкаф, отогнуть плинтус и посмотреть что там, залезть в пакет с покупками и попробовать все на вкус. „...“ По этой же причине обожает рвать бумажки и поролон. Если вещь не поддается клюву, то интерес к ней быстро гаснет. Еще он может надирать вещи и ткани с целью засунуть туда кусочек еды. Кстати о еде: пищу он готов воровать любую и в каких угодно количествах. Ест он очень немного, большую часть прячет, но даже будучи сытым, все равно попытается украсть. Такой уж инстинкт». [5]

* * *

Сорока частая героиня в фольклоре разных народов. Лю-

ди относятся к ней и с почитанием и с недоверием. Она ассоциируется то с хитростью, то с вестником судьбы и занимает особое место в мифах. В славянских странах сороку считали вестником беды и гонцом гостей. Например, в Белоруссии говорили, что сорока может унести человеческую душу, если найти на земле блестящий предмет и отнести его в гнездо. В странах англосаксонских полагают, что по числу увиденных птиц можно предсказать счастье и болезнь. У древнего народа кельтов она, сорока, ассоциировалась с потусторонним миром и служила «хранительницей порога» между мирами живых и мертвых. В Китае сорока, есть символ радости и благополучия. Её изображением встречали гостей и украшали свадебные свитки. В Корее эта птица приравнивалась к посланнику богов: увидев сороку на потолке, хозяйка знала — ждать счастливых новостей. Не было равнодушия и у народов североамериканских индейцев, у которых сорока считалась покровителем искусных охотников. У других племён — наблюдательница, сообщающая вождям тайные вести. В древнескандинавской традиции сороку связывали с богиней плодородия и любви, принося вести об урожае и погоде.

В каждой культуре магическая двойственная природа сороки, её зависимость от направления сказа или мифа, что отражает универсальный интерес человека к известному и непознанному, а значит мистическому.

И наконец, сорока мелькает часто в пословицах и поговорках:

- Сама сорока скажет, где гнездо свила;
 - Не живет сорока без белого бока;
 - Охоча сорока до находки;
 - Не учи сороку впредь плясать;
 - Всякая сорока от своего языка погибает;
 - Сорока на хвосте вести приносит;
 - Сорока без причины не стрекочет;
 - Сорока не ворона; в одно перо не родится;
 - Сорока с тыну, а десять на тын;
 - Сорока-белобока: зеленый хвост, долгий нос;
 - Сорока вороне дивуется, а обе на улице ночуют;
 - Знай сорока сороку, а ворона — ворону;
 - И баба видала, как сорока летала;
 - Знает сорока, где зиму зимовать
- и другие...

Слагались о сороках и многочисленные сказки. Эта особа была популярной героиней у творческих людей:

«За калиновым мостом, на малиновом кусту калачи медовые росли да пряники с начинкой. Каждое утро прилетала сорока-белобока и ела пряники...». [6]

«В одном не очень дремучем лесу жила-была Сорока. Птица как птица, все её знают: чёрный хвостик, синие крылья, белая грудка. Вот только был у этой болтушки один серьёзный недостаток: она всё время всех обманывала...». [7]

«Кого сорока увидит — стрекочет. Что плохо лежит — она тут как тут. Птичье гнездо приметит — яйца расклю-

ёт, птенцов нелётных съест...». [8]

* * *

Момент, когда вылупился первый птенец, для меня прошёл незамеченным. Видимо сороки хороши в плане конспирации. Возможно сработала временная утрата интереса и внимания к пернатым. Было слышно, как они трещали и, как такового характерного писка птенцов, не слышал. Внимание и интерес возник тогда, когда из гнезда появился зев птицы, готовый съесть всё и всех на свете, конечно для них съедобное, такой он был голодный и широко открытым, что мог проглотить голову своего кормящего родителя. А через пару дней уже на краешек гнезда выполз потомок наших соседей. Он был совсем большой и в перьях. Трещал без умолку, когда подлетал к нему родитель и вкладывал в распростёртый зев нужную пищу. Было не понятно, один был в гнезде или есть ещё сестрички с братиками. Прояснилось, когда в очередной раз старшой сидел на обочине, я заметил шевеление в гнезде. Стало понятно — не один... Процесс кормления громкий! При полёте родителя, птенец широко раскрывает зев и орёт на всю планету: «Мне, мне! Меня корми!...». Каким образом сороки знают, чтобы равномерно подавать пищу сорочатам, не ведомо, но точно знают. Настал момент, когда один из птенцов вылетел из гнезда и сел рядом на ветку, балансируя крыльями, возможно укрепляя мышцы их. Второй тоже вы-

полз и сидел на краю домика своего, а сороки подлетали и кормили своих детёнышей. Природа брала своё! Дней через несколько сорочата перелетели на деревца по соседству и домой уже не вернулись, они выросли и набирались опыта...

Сейчас хозяев гнезда не видно, только слышно, как продолжают кормить своих уже повзрослевших птенцов на соседних деревьях.

На момент написания рассказа гнездо пусто. Вернулись под балкон воробьи, чирикают, часто стайкой «беседуют» и видно, что заглядывают в гнездо сорок, что-то их там привлекает, а может просто любопытствуют. Ведь они тоже своеобразный «народец».

Май, июнь 2025 года, Калгари

[1] Строки из стихотворения *Григола Орбелиани* «Весна»

[2] Строки из стихотворения *Евгения Баратынского*

[3] *Тим Беркхед* из Университета Шеффилда в Британии,

эколог

[4] [5] Факты о сороках, которые вы не знали (из интернета)

[6] Строки из сказки *Алексея Толстого* «Сорока»

[7] Строки из сказки *Ирины Сергеевой* «Как сороку врать отучили»

[8] Строки из сказки *Евгения Чарушина* «Сорока»

Повести и рассказы

ФУЭТЕ 2

*Всё начиналось с Фуэте!
Жизнь — это Вечное движенье,
Не обращайтесь к Красоте
Остановиться на мгновенье,
Когда она на Высоте.^[1]*

Часть 1

* * *

Лето прошло... Осень едва коснулась жёлтой краской по деревьям, по травам. Одни цветы отошли, уступив место другим, более устойчивым к холодам. Зато краски бабьего лета набирали силу. Температура днём стояла тёплая, даже жаркая, но ночами опускалась близко нуля. Травы ночами жухли от прохлады и днями уже не набирали той свежести, какая восхищала весной и летом. Небо ещё высокое, почти синее, радовало, давало ощущение вечного, непоколебимого равновесия тепла и холода. Осенью особенно усиливает-

ся ощущение беспричинной грусти и одновременно очарование живописных видов — всё вместе. Так и должно быть: рядом уживаются понятия, которые на первый взгляд кажутся совсем несовместимыми. Это жизнь!.. Каждый осенний день добавлял свои мазки в раскраску клёнов, лип, тополей... Последние, тополя, труднее поддавались этому влиянию, ещё большей частью сохраняли зелёный окрас, но и с них уже начали опадать листья. Медленно кружась, падали они, отжив свой срок, порадовав природу весной свежестью своей зелени. Теперь же закончили жизненный цикл, исполняя последний танец на ветру, и оседали на земле, на тротуарах. Всё имеет свой цикл жизни, всё подчинено своим законам и деревья тоже, и лист с него. «Листик, листик, листопад! Кто же в этом виноват? Может ветер озорной, поиграть решил с листвой?».

О рассказах моего знакомого, товарища по кафе, я писал. Их было немало. Одни я подзабыл, другие успел записать хотя бы тезисно. Они упали в память и закрепились в ней. Если «упали» — значит в своё время попросятся «в жизнь». Удивительная способность человека хоронить что-то до времени. Казалось бы забыто, а приходит момент — и уже строятся предложения будущего рассказа, повести. Творчество — это кратчайший путь к назначению человека, и это не обязательно относящееся к искусству. «Человек — это прирождённый творец. Творит он всегда, на какой бы ступени эволюционной лестницы он ни стоял...». [2] Что же самое глав-

ное в творчестве? А то, что человек приводит хаос к какой-то согласованности и обязан подвести его к главному — к гармонии. Поэтому, если только я записал где-то хотя бы одно предложение, то со временем там появится рассказ, даже если пройдут годы... Ну не славно разве?..

Разговор о письмах зашёл в один из осенних дождливых дней, какой всегда заставляет нас прибиться к какому-либо бережку, где тихо, уютно и не «рычит» громкая музыка. В уголке кафе, перед окном, мы и сидели... Дымился на столе свежий кофе, стелился его аромат, а за окном мерно и настойчиво стучали капли дождя. Люблю этот момент! Он всегда способствует тихой беседе... Есть в равномерном стуке дождя о стекло окна что-то умиротворяющее, а когда ты дома — то и ощущение особенного уюта, с книгой в руке. Ты то читаешь, то о чём-то думаешь, то предаёшься мечтаниям...

Совпадение это было или предопределено, но именно в этот момент в кафе крутили песню Талькова. Правда, пел он о летнем дожде, но было уже неважно, что на дворе стояла осень. Слова-то какие! они сами ложились в наши уже сидящие головы:

Память уже не жалит,
Мысли не бьют по рукам,
Я тебя провожаю
К другим берегам...

Есть в песнях удивительные слова. Если вслушаешься, то они как бы подадут нам свои откровения. В словах песен сжато поданы и философия, и жизненность, и грусть, и то, что всегда вызывает в тебе трепетную реакцию. Но надо вслу-

шаться в смысл слов поющего. Конечно, я не про все песни говорю, я про настоящие.

Товарищ рассказывал, я слушал... И рассказ был похож на проводы нас «к другим берегам»...

— Наверное, утомил я тебя своими байками, но я постараюсь как-то покороче, хотя как здесь коротко говорить, если всё растягивается на месяцы и почти годы. А всё случаи... Куда без них? Мне они нравятся. В них — незапланированность, неготовность и даже ошарашенность бывает. Вот так случай даст по голове, потом долго приходишь к прояснению...

— Коротко у тебя не получится, да и мне неинтересно будет, а надоест — скажу! не сомневайся..., — остановил его почти приказно.

— Ну, хорошо, что так! Короткие письма, обрывки прошлого, а по сути — страницы жизни... В них искренность, непридуманность... Падают они на память каким-то своим хорошим светом, что относит к временам молодости, студенчества и просто той поры, что помнишь себя совсем молодым... Почему я вдруг вспомнил про них? Дня два назад какая-то мама крикнула своему сыну призывно: «Алёшенька-а!...». Этот зов неизвестной мне мамы, зовущей своего сорванца, уже два дня не отпускает меня, пробуждает всё новые и новые воспоминания, отправляет к моей далёкой молодости. Мне сразу вспомнились строчки писем, какие начинались всегда со слов: «Здравствуй, Алёшенька!». Простые,

искренние слова как-то сразу вернули прошлое. Прошедшие дни ударили по памяти, приблизили далёкое время. Не Алёша, не как-то по-другому, а именно так. Время ясно обозначилось, стало из разрозненных осколков складываться в чёткую и ясную картину прошлого. А было вот что...

1

Алексей замолчал, закурил сигарету — явный признак долгого разговора. Обычно он курил не часто. Вроде, баловством нельзя назвать и серьёзным увлечением тоже. Часто наблюдал, как мужчины и женщины равно, при волнении, начинали нервно курить. Но с Алексеем другое было. Он всегда был собранным задумчивым, по-философски мечтательным и не любил «трепать» языком попусту. Возможно для других был скучным, но не для меня, может потому, что был сродни мне, оттого и находили общий язык. Самое главное, я умел его слушать, а он рассказывать. Он знал, что пишу и записываю его рассказы. Любил подшучивать над этим, но не зло, не ехидно...

— А было вот что, — продолжил он, — Это было время, когда ещё «деревья были большими». Помнишь выражение, рисующее: «Мол, давно это было»... Я часто летал на самолётах. Цены на билеты были доступны. Капитализм где-то за бугром существовал, а у нас всё было народным, и наша цель была известно какая. Маршруты в основном, проходили че-

рез один сибирский город: он служил как бы узлом от которого выполнялись рейсы и на север, и на юг, и на восток. Тогда я, чтобы скоротать время между рейсами, уезжал в город и ходил в кино, гулял по городу, заходил в местные музеи... Город этот рассекала река Ангара, дочь Байкала, и вода, что текла в ней, была совсем не похожа на другие речки: бирюзовая, удивительно прозрачная, а ведь уже от озера пробежала десятки километров. Сейчас не знаю, осталась ли она в своём том виде или уже загадили, как и многое у нас.

Беззаботно прогуливаясь, забрёл в один из кинотеатров и купил билет на фильм «Фуэте», художественный о классическом балете, где снимались звёзды советского балета Екатерина Максимова и Владимир Васильев. Фильм, интересный и своим сюжетом, и необычностью поданных сцен, смотрелся с увлечением. Что-то новенькое открывалось о балете, а в нём я был и остаюсь полным профаном. Однако там можно было подглядеть весь каторжный труд тренировок тех, кто занимается классическим танцем, а потом радуется своим искусством на сценах театров. Интерес заключался не только в мировых звёздах русского балета, но и в том, как был снят фильм. Мог заинтересовать себя и тем, что подавалось необычное, мне неизвестное, что могло бы заполнить какую-то пустоту в моих интересах; даже книги, которые не очень-то нравились, прочитывал до конца. Такой пунктик тогда сидел во мне — не бог весть какой, но имелся...

Фильм этот только что вышел в прокат и о нём уже писали

и кинокритики, и театральные знатоки, как о новой форме подачи закулисной жизни артистов балета. Об этом кино писал театровед, режиссёр: [3] *«Прекрасная „голгофа“ балета никогда ещё не была показана с такой силой и правдой, как в этом фильме. Муки труда и творчества огромны, почти непереносимы, смертельны. Но та же Спесивцева когда-то записала в своём дневнике: „Не от танцев помрёшь, оставишь их — и ничего не будет, и ты ничья, и от тебя, и тебе“. Это ощущение пронизывает фильм, все судьбы в нём. Возникает ещё одно трагическое ощущение: неизбежность ухода, конца, мысль о том, какой в этом уходе найти выход»*. А ещё сам фильм пронизан вставками — символическими картинками, и в конце звучат стихи Валентина Гафта. Кстати, и он там снимается, играет загадочную роль...

Проходя к своему месту, я увидел рядом с моим сидящую молодую девушку, улыбнулся ей — она в ответ. Начался фильм, и я не знаю почему, но невольно почувствовал присутствие давно знакомого человека, а не просто сидящей рядом женщины. Получилось так, что во время сеанса мы перебросились парой фраз по поводу сюжета мелькающей на экране картины... Это редко бывает: срабатывает то ли родственная энергетика, то ли какие-то неведомые связи, о которых говорят негласно — это она. Говорю тебе, что лицо я разглядел мельком, одним взглядом, и сканировать внимательно было вовсе некрасиво.

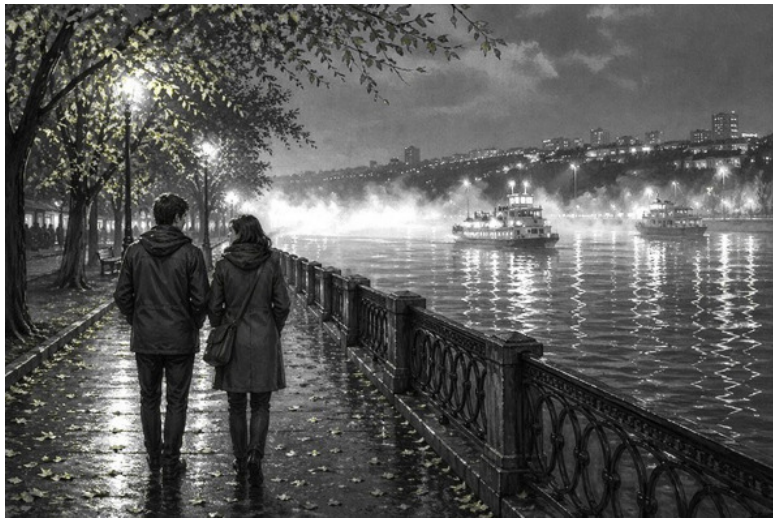
Напряжённость балетных будней показана в фильме с та-

кой достоверностью, что я не утерпел и спросил соседку:

— Что это?.. Хроника? Документальные съёмки?

— Не думаю. Просто снято в такой манере — под документальный фильм, — просто ответила она.

Здесь я ещё раз, при слабом свете от экрана, посмотрел на неё — она улыбалась... Это дало надежду на знакомство, просто разговор, без лишней тайной мыслишки, какая всегда роится у мужика, глядя на хорошенькую женщину. У меня был вечером рейс для продолжения путешествия, поэтому естественным образом всё ограничивалось, как видишь, только разговором. Мы ещё перебросились незначительными фразами — всё конечно по сюжету самого фильма и только, а по окончанию сеанса я предложил проводить её. К моему удивлению, она согласилась без жеманства и дежурной фразы: «Ну, я даже не знаю...». Мне всегда нравились в девушках и женщинах простота и естественность. С ней была её подруга; та её поняла и они простились. Мы пошли пешком... Любил и люблю ходить пешком и вести при этом неспешную беседу.

— Вам понравился фильм? — спросила она, сделав ударение на «вам», на что я тут же ответил.

— Давай на «ты», а то как-то режет слух это «вам» и будет проще, если не против.

— Хорошо, фильм тебе понравился? — опять ударение сделала на «тебе».

— Люблю такие фильмы, особенно хороши вставки символические, они изображают сцены распятия и снятия с креста Спасителя. Помнишь совсем коротенький эпизодик с бегущей одинокой собакой в тумане? Так вот она напоминает мне одного человека, бредущего по жизни словно в тумане. Творческие люди, каторжная работа тренировок, а для зри-

теля — лишь короткий миг заключительного действия. Хорош фильм, очень хорош...

— Один человек — это, я понимаю, ты. Ну вот, сейчас напустишь мне тумана на себя, таким загадочным покажешься... Ну-ну, давай-ка развеи туман вокруг своей особы...

Тогда тоже была осень, как сейчас. Правда дождя не было, но местами сгущался туман. Он спускался к реке и стлался по воде. Огни, что просвечивали сквозь туман, как бы зависали в пространстве, создавая своего рода загадочность и неизвестность. Это было символично, как те вставки в кино, которое мы только посмотрели. И вся моя жизнь действительно походила на огни в тумане — не зря я сказал про собаку. Огни мои не горели ярко, а лишь тускло светились сквозь завесу будущего, в которое я шёл где-то интуитивно, где-то с временными прояснениями...

Мы медленно пошли вдоль набережной Ангары к её дому. Шуршали листья под ногами, на реке шла своя жизнь: перекликались речные кораблики своими зычными и требовательно-предупреждающими сигналами. Мы шли... Путь выбирала она — там, где меньше было движения транспорта, а прохожие встречались редко, так что ничто не отвлекало нас от беседы. Вечер втягивался в ночь, от реки тянуло холодком и свежестью. Огни города отражались в реке, течение которой искажало их и превращало в зигзагообразные дорожки. Она рассказывала о пробежавших в этом городе студенческих годах и, понятно, многое было ей знакомо. По-

рою задавала мне вопросы, я отвечал и сказал ей, что поздно вечером у меня рейс далее на восток, на что она заметила:

— Ну вот, как в классике: короткое интересное знакомство — и пишете письма... Про письма шучу, конечно, просто вспомнила. Я тебя действительно вижу в тумане... Загадочный весь!..

Она пошутила и сама ещё не знала, сколько в её шутке было прозорливости, какая классика приключится и что письма действительно будут писаться друг другу в течение нескольких лет. Поразительно это... Я шёл рядом, слушал словоохотливую девушку. Мне было интересно. Она обладала ловким умением вести разговор, разбавляя беседу ещё и юмором. Через пару десятков минут было полное ощущение давнего знакомства. Значит, во время сеанса кино меня не подвело наитие.

2

Рассказчик рассказывал, а я слушал его, не прерывал, пока не задавал вопросов — и зачем они нужны были, коль рассказ ещё не достиг своих важных точек?.. Алексей сам остановился, вновь закурил и посидел молча. Вспоминал ли он тот вечер или собирался с духом, но по нему было видно, что волнуется. Хотя вроде бы годы и годы пробежали с тех пор, а вот вспомнилось — и отозвалось волнением. В кафе вновь играла песня, с которой мы начинали свой кофе. Кому-то,

видимо, крепко запали слова песни «Летний дождь». Вечерами в основном «врубали на всю катушку» ритмичную музыку, которую вряд ли можно было назвать музыкой, а публика, будучи изрядно навеселе, выделявала такие же ритмичные движения... Днём жалели наши уши и лилась обычно тихая спокойная музыка и песни, какие можно было назвать «до души».

Ты перелетная птица,
Счастье ищешь в пути,
Приходишь, чтобы проститься
И снова уйти, снова уйти.

Удивительная напевность в словах, что поневоле оборачиваешься назад, на своё прошлое и многое начинает приближаться и обретать видимые контуры. Вся музыка и слова отвечали нашему и настроению, и разговору. Дело в том, что по молодости человек смотрит вперёд надеждой, а в старости оборачивается назад с нежной тоской... Любимое занятие многих пожилых людей — порыться в прошедшем. Там всегда можно отыскать уголки, где было уютно и комфортно, а это именно то, что нужно многим. И без этого нельзя, но главное — не увлекаться этим, а то притупится зрение на будущее. Пусть его уже не так много, но надежда находится именно там.

Алексей прислушался к словам песни, потом продолжил рассказ:

— «Счастье ищешь в пути...» Как похоже! Многие сходится, как видишь, чтобы рассказать об этой встрече. Так под осенним небом мы медленно подошли к её дому. Постояли... Скорое расставание было тягостно и мне и ей, как я понял. Она часто глубоко вздыхала. Мне вдруг совсем не захотелось продолжать путешествие сегодня, я ей сказал об этом. Она ничего не ответила, опять глубоко вздохнула. Попросил телефон её, сказал, что на обратном пути заеду, если она не против — она не была против... Вызвал такси и уехал.

Вокзал, как всегда, встретил своим шумом, громкими объявлениями, сплошной суетой. Массы пассажиров двигались: одни — в одну сторону, другие — в противоположную. Этот вокзал я помню ещё с тех времён, когда он строился, а все регистрации проходили в старом здании, которое теперь служило административным корпусом аэропорта. Я подошёл к доске объявлений о рейсах и — о чудо! — мой рейс был отложен на сутки в связи с метеоусловиями. Долго думал, позвонить или нет, ведь время двигалось к полуночи... Позвонил, сказал о задержки рейса, дальше она мне не дала говорить, быстро сказала:

— Бери такси и приезжай!..

Я приехал...

После всего, что внезапно обрушилось на нас, когда мы словно давно не видевшие друг друга отдали себя другому, не думая ни о чём. Потом долго приходили в себя, соображали как это получилось, что без слов и предварительных

ухаживаний ринулись навстречу друг другу. А они нужны были эти ухаживания?.. Потом проговорили всю ночь. Давно очень давно, возможно, в другой жизни, я не был так спокоен, счастлив и радостен одновременно. Улыбка, что нашла меня, долго не сходила с моего лица. Нет не глупая — не подумай...

— А знаешь, это я наколдовала, чтобы твой рейс отложили, как видишь результат положительный, — с игривостью и задором сказала она...

— Так ты заговоры знаешь? — спросил я самым нарочито-встревоженным тоном, — Уж не заколдовала ли ты меня? А то знаешь, я самый что ни есть на свете бродячий пёс в тумане. Помнишь я говорил о себе? Посадишь на цепь, прибьёшь к конуре какой-нибудь и будет как у всех... Не люблю «как у всех».

Алексей прервался и сказал мне:

— Видишь, не любил «как у всех», оригинальничал, всё чего-то искал не «как у всех», а не понимал, дурень, того, что это «как у всех» и есть порой счастье человеческое, потому что только несчастье протекает у каждого по-своему.

— Да помню, что Толстой высказал подобное: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

— Да-да!.. Видимо у него когда-то снял эту мысль...

Наутро выпал снег. Такой чистый и воздушный — всё преобразил... Стало красиво! Недаром отложили рейс... Всё замерло в этом торжественном наряде, как бы в ожидании сказочной церемонии. Она выглянула в окно и ахнула от изумления. Снег лежал такой белый, такой нетронутый ещё. Быстренько позвала меня, чтобы я смог оценить всю красоту момента и порадоваться с ней.

— Смотрю и думаю, какие ничтожными бывают желания и каждодневная суета в сравнении с этим. Ищу моменты радости, а то одолевает усталость от всего привычного и мелочного, что окружает нашу душу, а мы так мало делаем для неё. Какая бесконечная красота и правильность формы снежинки, которая опускается на предметы, она быстро тает, как растает недолгая наша встреча с тобой.

Поэтическое сравнение — мне понравилось...

Весь день мы пробыли вместе. На работу она не пошла, взяла отгул. По её словам, отгулов скопилось немало. Раньше не брала — незачем было, а сейчас пригодился один.

Спрашивала меня:

— Скажи мне, что делать я буду, когда улетишь? Скажешь?.. В каком тумане мне бродить после тебя?.. Ты меня встряхнул, ритм жизни поднял, а каким образом мне его поддерживать без тебя?.. Реальный мир, где люди, как муравьи бегут гурьбой на работу, с работы, на собраниях трясут свой быт, чтобы платили больше, чтобы можно было построить дачу выше чем у соседа. И куча ещё самых ничтожных забот. От этого кому-то легче? Лучше?.. Пройдёт жизнь...

Я не понимаю, что со мною. Люди стали раздражать меня. Вглядываюсь в лица, и редко какое вызывает во мне симпатию. Может злюка я, а?.. Как ты думаешь? Но ведь я хорошо к людям отношусь, хотя вижу ясно и даже слишком, что многие думают только о себе, делают только для себя... Но не отвечай мне — я часто задаюсь вопросом. Ты улетишь, и от этого у меня сегодня такое и радостное, и почти плаксивое состояние — прости! Сама не могу понять, ведь была противницей быстрых отношений. Это ты колдун!

— Ещё с детства осталось правильное или неправильное понятие: колдун — это что-то нехорошее, тёмное... Воздействие на людей и природу, чтобы добыть себе противоестественные знания и влияния. Не хочу быть колдуном, а вот добрым волшебником — да! Волшебник вроде сродни колдуну, но звучит по-доброму, а чародей зачаровывает своим звучанием. Вот!.. Хочу быть чародеем...

— Да! чародеем — это красиво, будь им...

Что я мог ответить ей на её рассуждения... Я и сам от своего радостного состояния потихоньку переходил к вопросам. Просто вида не подавал, а ей, женщине, нужны были ответы. Вопросы себе звучали приблизительно так: «А дальше что? Побудешь две недели у родителей, вернёшься на три дня к ней, но и тогда надо будет прощаться и ехать к себе. К себе, где живёт уже третий год на земле моя дочь». Да, семья уже почти развалилась, но мы пока жили вместе из-за дочери. Кстати, я ей рассказал об этом. Она ответила, что догадыва-

лась и добавила: «Опять классика. Хоть садись и пиши повесть, печальнее которой нет на свете». Я начинал уже чувствовать себя виноватым, что нарушил её уклад жизни, сказал ей об этом...

— Ну что ты... У меня бывают минуты, часы, когда знаю точно что мне надо, чувствую себя уверенной и нужной. Тогда всё идёт прекрасно. Я столько успеваю сделать, всё ладится и в общении лёгкая и весёлая. А когда нет... Всё из рук валится. И сейчас было больше второго, а ты встряхнул мой застой. Так как мне не благодарить тебя?!.. А знаешь, я хожу на аэробику и успела потянуть мышцы — теперь болят. Вот и сейчас чувствую себя словно на аэробике, где тренирую не мышцы, а чувства, изменения своих ритмов и вообще взглядов на жизнь. Мне хорошо рядом с тобой. Вот как бывает... Хорошие и непередаваемые минуты. Да разве не стоят эти минуты многого в жизни?!.. Пусть многие и не поймут меня. Я сама такая была, пока не случилось это. Последние месяцы, особенно последние дни, я была подобно героини фильма — одинокой, уставшей, затравленной серыми буднями... Поэтому даже и не печалься, хорошо? Независимо от того, как сложится дальнейшее, я безмерно благодарна случаю, минуте, что встретила тебя. Банально, да? Знаю... Я знаю тебя одни сутки, а чувствую, что прошли столетия рядом с тобой, вот как! Понимаю теперь, что ради именно таких минут стоит жить!.. Это жизнь! Остальное существование, вернее, просто спокойное шествие к старости...

Я прервал Алексея вопросом или, скорее, в моём вопросе был виден ответ.

— Думаю, ты понимал, что вся ответственность за дальнейшее ложилось на тебя. С твоей стороны должен был быть ответ... Она свободный человек, состоявшийся, что касается работы, всё вроде шло так, как у многих, как должно было быть. И совсем по-другому у тебя, был бы один — всё было бы проще, гораздо проще. Была дочь, да и с женой отношения ещё не были развязаны. Есть такие мужики, и ты встречал таких, которые, не задумываясь бросают всё и рвут все отношения, даже с детьми...

— До этого я ещё дойду в своём рассказе, а пока покурю, соберусь с мыслями. Ты уже чувствуешь, что девушка была не для мимолётности — в ней было многое... Ты прав, она так и писала мне: *«Мы не на равных, у тебя есть возможность выбора, а у меня нет, ты можешь перешагнуть порог или захлопнуть дверь, а я лишена такой возможности»*. Она сама была интересная и далеко не простая, не с розовыми мыслишками, а реально смотрящая на жизнь. От того и страдающая, что многое видела, чувствовала и анализировала. *«... И зачем я встретила тебя, чтобы опять страдать? Ждать чего-то неосуществимого? Чтобы каждую минуту думать о тебе, мучаться, а на работе с тоской смотреть на часы — быстрее бы рабочий день закончился и бежать смотреть, не пришли ли твои письма, а их нет!..»*.

Я плохо помню свои письма к ней, но письма мне — хорошо. Даже некоторые строки почти наизусть. Так что не удивляйся, что я дословно цитирую её слова.

Странно, но мне песня Талькова проводит ассоциации с ней. Есть в этой песне что-то такое, какое сравнивается с её образом. Ты слышишь? Слова — *«несвоевременность — вечная драма, где есть он и она»*... Это ведь о ней и конечно обо мне. Вдумайся, какие глубокие слова песни, как протяжно-ноюще отзываются они во мне, как хочется многое вернуть на своевременность. Нет не для меня — вообще для всех... Сколько же в мире таких «несвоевременностей», где гнездится драма между ей и им. Драма, драма... И отчего такое происходит? От наших несовершенств. Мы встречаем её, единственную, неповторимую, женимся, а жизнь ставит всё на свои места, показывая, кто где должен быть и какое место заслуживает. Почему не почувствовали, не угадали, что это не то, не та, не тот. Мы не распознали этого и тем самым сделали чью-то жизнь несчастной, да и свою тоже. А в итоге — драмы, драмы...

Алексей замолчал. Глаза наполнились влагой, стали щемяще-грустными, так что мне захотелось его успокоить, хотя он вряд ли хотел бы этого. Мне нравилось, что он никого не винил, кроме себя. Я промолчал, я думал о своём, о своих драмах, которых было несть числа. Был слишком увлекающимся, быстрым, скорым на решения, а они не всегда были правильными. Но куда уж деваться?.. Они были... Уже

не отстранишься, не отгородишься, а несёшь по жизни пусть небольшую, но точно ношу греховную. Впрочем, не моего ума это дело. Это дело Высших сил, и мне пред ними держать ответ... Они, драмы, тоже временами накидывали на меня своё покрывало грусти, и память отсылала то в далёкую юность, то в уже состоявшуюся молодость, а были драмы и в годы, совсем зрелые. Они, наверное, где-то и сформировали меня таким, какой я есть сейчас, думами и переживаниями подвели к тому, чтобы описывать и свои, и чужие драмы. Драмы, драмы...

4

Вечером улетал к родителям... Первый снег растаял, чуть показалось солнце — и заиграли краски неглубокой осени. Водой сбежало снежное покрывало, природа оживилась, небо раздвинулось и взлетело синевой далеко-далеко вверх. Оно прощалось своей прекрасной синью, чтобы вернуться уже после долгой зимы — весной. День быстро-быстро пробежал. В этой быстроте есть грусть невозвратности момента, когда каждый миг пробегает, пробегает и дальше, а из них строятся целые часы, потом дни, месяцы... Так и этот день растаял, как первый снег, оставил синеву отношений двух одиночеств, которым предстояло окунуться в драму, как и сказала она, — классическую...

У родителей было хорошо, спокойно... Веяло тем уютом

и той атмосферой дома, когда даже запахи ставшие давно родными, теперь успокаивали. Я впитывал их, и не мог надышаться. Всегда хотелось, в те короткие возвраты домой — пусть это длится вечно. Всегда считал, что там, где мои родители, там мой дом, там мир огромный и простой, там тепло и свет — «уютно-ламповый» в окне. Понимаешь, у меня порой всё внутри разрывается от желания, рассказать — какой это был мир! Мир моего Дома. Знаешь, дом, который я создал со своей семьёй, — в нём я не чувствовал такой силы даже в счастливые свои моменты. Видимо, у меня не хватило силушки и умения, чтобы её построить. А может, так всегда складывается, чтобы мир у моих детей был свой и им казалось, что сила их дома была не менее значимой.

Сегодня слова Талькова являются каким-то откровением. Помнишь, в его песне «Чистые пруды» есть слова:

У каждого из нас на свете есть места,
Куда приходим мы на миг отъединиться,
Где память, как строка почтового листа,
Нам сердце исцелит, когда оно томится.

Конечно, это краткое «отсоединение», но такое желанное...

Мама, всё видевшая и многое чувствующая, внимательно поглядывала на меня. Всё расспрашивала о дочери моей: какая она, да как я живу с её мамой. Я не стал закрываться рассказами о счастливых семейных днях, притворяться —

рассказывал как есть... Она качала головой, вздыхала, потом как-то сказала:

— Ты себе найдёшь жену, найдёт и она себе, а вот чтобы дочь свою ты не смел оставлять, если разведётесь. Это случится, я уже вижу. Живи недалеко, будь рядом... Сейчас она маленькая, она только входит своим миром в твой мир, а будешь жить в другом городе — всё забудет, и ты для неё будешь просто папой, но не будет связи вашей такой, какая должна быть. Слышишь меня?.. — я слышал её. Сам думал передумал об этом, ночами не спал. Это был тот ещё барьер, непреодолимый.

Две недели пролетели быстро в хлопотах по хозяйству. Надо было привезти дрова, потом наколоть их, потом сложить, а для меня это было, по старой привычке, пустячным делом. Вечерами мы сидели с мамой и пили чай, долго сидели и много говорили. Мне уже совсем никуда не хотелось идти от родителей, как это бывало в годы моего студенчества. Отец прибаливал, надо было и с ним помочь маме... Я подсаживался к нему, немощному и уже высохшему. Было больно на него смотреть, как старость забирает его от нас. Всегда статный, аккуратно одетый, причёсанный, большой любитель шуток. Когда его очередная шутка удавалась, он и сам заливисто смеялся.

От силы былой так немного осталось.

Я с грустью смотрю на отца своего.

И прячу печаль,
И смеюсь беззаботно,
Стараясь внезапно не выдать себя... [4]

Да! не жалеют годы и болезни никого. Помочь ему было не в моих силах, а скорая разлука щемила наши сердца, моё и его.

Сколько раз я приезжал в родительский дом — и во времена студенчества, и в уже более зрелые годы, а без боли и грусти не уезжал ни разу. Всё чувствовал, как в последний раз вижу их. Где-то внутри меня виноватость волновало сердце. Оно билось, как птица в клетке. Почему-то всегда было ощущение, что не наговорился. Надо было сидеть и сидеть, говорить и говорить, чтобы уж совсем на всю жизнь, а всё остальное подождало бы. Казалось, не сказал им чего-то важного, такого, что они должны были знать от меня. Что?.. Да то, как бесконечно я их люблю, как безмерно благодарен им не только за то, что родили меня. Это да! — без слов... А ещё есть нечто такое, чего нет на поверхности, но оно самое важное, без чего нет вообще ничего на земле. И они смогли без слов подать мне и сёстрам, передать и каждый день подтверждать. Да! выразить это невозможно, оно не имеет слов, это как святой дух — не произносится вслух... С детства мы не привыкли слышать про то, что нас любят и говорить в ответ, как мы их любим. Учить такому нас никто не учил и не научил попусту бряцать словами. Это чувствовалось, пони-

малось без лишних слов. Родители всегда были в хлопотах, всегда в делах — больших и малых. Решая одну задачу, тут же переходили над выполнением другой, а мы, в силу своих детских возможностей, включались в помощь им.

Вот с такими думами я уезжал всякий раз из родительского дома. Потом в поезде или самолёте медленно приходил в себя. Но я был молодым!.. Что значит молодость! она брала своё — я отходил от тяжких дум и снова пускался в жизнь. Теперь я понимаю всю силу того, что было подано родителями, отдано ими. Многое было отдано просто, без слов, своим тяжким примером. Они не зная космического закона жертвы, несли свой крест и с честью выполнили его...

5

Она меня ждала...

Заранее сообщил, когда мой рейс, — встречала в аэропорту. Среди встречающих, я сразу увидел её лицо, радостное, сияющее. Оно на фоне многих десятков лиц выражало счастье и ожидаемую радость, лицо молодой, красивой женщины. Невольно залюбовался им: так оно светилось неподдельным счастьем в этот момент. Она обняла меня и заговорила, зашебетала, как будто жила до меня на необитаемом острове. Взяли такси и уехали к ней...

Три дня, какие был у неё, мы гуляли по городу, ходили в кино, наслаждались солнечными днями, когда они замечательно хороши перед надвигающейся зимой. Была она счастлива и казалась беззаботной, но были моменты, когда я замечал, что тревожная дума набегала на неё и, тогда она хмурилась, как хмурилась природа в ожидании скорой зимы. За две недели, что меня не было, осень основательно уступила место смене времён года. Листья почти все опали, и чувствовалось, как на смену малочисленным тёплым дням, уже дви-

гается холод. Всё больше и больше чувствовалось приближение скорого снега, который ляжет и останется уже на всю зиму, а ещё прихватит и один из весенних месяцев. Здесь так — скорой весны не ожидалось. Ночами поднимался ветер, срывал оставшиеся листья, бился и завывал в слегка приоткрытой форточке. При завывании его она вздрагивала, теснее прижималась ко мне, и мы забывались осенними ночами под тревожным звуком неусыпного ветра... Звёзды поблёскивали, заглядывали в окно. При наших разговорах вольно или невольно и она, и я поглядывали в тёмное небо. Там можно было найти ответы на вопросы, их было много, но мы не знали язык звёзд и получали только загадочность и тревожное предчувствие будущего.

Удивительна жизнь во всё её разнообразии, удивительна своим умением заставить нас остановиться и задуматься, полюбоваться моментами и насладиться ими. Однако в ней есть и омрачительные минуты, когда нас охватывает тревога за своё будущее и за того, кто рядом. Да! за того, кто рядом... Если такого нет, то кто ты?.. Вот эти-то минуты и стали посещать меня ещё чаще после встречи с ней. Ты рождаешься для каких-то задач, решаешь их или пытаешься это делать. Пробираешься на ощупь, в потёмках собственного невежества, по давно данным нам законам построения жизни, [5] по духовно-нравственным указателям — и не видишь их. Не видя, не исполняешь, а значит — отвергаешь... Отвергая, невольно вызываешь на себя поправку от линии своей

судьбы, и такая поправка часто сопровождается страданием. А законы стучаться в каждую дверь: примите нас, следуйте нам и будет вам счастье... Казалось бы, ну чего проще... Но нет, проще следовать собственному невежеству, вредным привычкам, которые гроздьями словно виноград висят и облепляют нас. Эх! племя наше греховное...

— Ох извини, заговорился, как-то задумался, — обратился он ко мне.

Когда я улетал в Москву, чтобы дальше из неё следовать к себе, она провожала. Тягостные минуты были, когда мы всё осознавали. Я не мог дать ей твёрдые обещания, а она не могла их требовать. И в этом понимании расставание становилось ещё более грустным... Момент прощания помню скудно, отрывочно. Но слова её при прощании запомнил хорошо, она сказала:

— Чувства проверяются временем, вот и проверим. Не правда ли, как многое из книг, читанных нами теперь проверяется на нас.

Точно сказала... Меня удивляет вот что, смотренное в кино, теперь коснулось меня в полной мере. Я, такой сильный и уверенный, что влюблённые должны, обязаны быть вместе, во чтобы то ни стало, а как столкнулся сам, то жизнь улыбнулась мне своей гримасой, повернулась ко мне стороной, какая мне была известна лишь теоретически. Все мы мастаки саблей махать, геройски побеждать, а как сталкиваемся с реальностью, с непреодолимыми барьерами, то снижаем, как

слоны надувные.

— Понимаешь, — обратился Алексей ко мне, — Я иногда задумываюсь о том, зачем я, будучи несвободным человеком заводил романы?.. Встряхивал и свои чувства и выводил из обычного бытового равновесия другого человека. Она мне писала: *«Ничего не осталось от прежней жизни — весёлой, беззаботной... Порою восклицаю: «Боже мой, ну на что мне так убиваться?.. Утешать себя нереальным и далёким призрачным счастьем?..»*.

Чтобы потешить себя? Плоть свою ублажить? Но ведь нет же... Это не было моей целью. Нет, конечно, было такое, когда я был свободным человеком, так тешил себя встречами. А здесь было другое, не то... Я писал ей письма, она писала мне, и была в этом какая-то потребность, более высокого уровня... Что?

— Ты меня спрашиваешь или себя? — спросил я его и тут же ответил, не задумываясь, — Любви не было, а всё просило её... Вот и шляемся, мы мужики, по сторонам. Как если б была, то никуда, мы родные, не бегали бы... Не шлялись бы от суженой. Суженая — невеста сужденная Богом. Одна из основных добродетелей жены — это быть «славой мужа». Так высоко поднял её апостол Павел.

По жене можно узнать, кто сей муж её и каков он... Помнишь у Блока: только влюблённый имеет право называться человеком. А ведь это верно. Не было у тебя любви меж тобой и женой — отсюда пресловутое «шляться на стороне».

Это мне знакомо, знакомо... Это всё те же драмы о которых выше говорили. Любовь должна быть обоюдной, только тогда можно говорить о верности. Конечно, есть единицы, у которых присутствует понятие верности долгу, но таких семей мало. Их было бы больше, если бы вера у них была истинной, как сказал Иисус: «Если вы будете иметь веру с горчичное зерно». Тогда и верность долгу крепилась бы верой, и связь супругов была бы не менее прочной.

— Да, наверное, ты прав... Спасибо! Ну ладно, продолжу...

По приезду в Москву я не изменил своим правилам. Говорил уже тебе, что не любил находиться в зданиях вокзалов. Я уходил смотреть город, благо в столице было где разгуляться. Посетил Третьяковскую галерею — это стало почти законом. Будучи в Москве посетить Третьяковку, а если в Питере — то в обязательном порядке Русский музей. Я был в Эрмитаже, и обилие экспонатов после нескольких часов нахождения там, мне закружили голову и я больше там не был. Другое дело с Русским музеем, народу меньше, можно посидеть, сосредоточиться на какой-нибудь картине, скажем моих любимых Левитана или Васильева, и предаться длительному созерцанию прелести их гениальных полотен. Нет, конечно, я люблю и другие работы, особенно передвижников, но есть те, какие мне ближе до души, что ли... Скажем, на берёзки Нестерова могу смотреть часами. Что в них?.. Как смог талант художника с такой трепетностью изобразить прелесть

худеньких, дрожащих на ветру деревьев? Восхищаюсь и диву даюсь изобразительному искусству. Живопись всегда ставил на первое место среди видов искусств... Не в обиду тебе, пишущему...

— Да за что можно обидеться? Для меня литература, для тебя живопись — главное. Всё это творения рук человеческих. Вот Солоухин говорит: «Всякое искусство есть диалог между художником и публикой». Просто и как правдиво!

— Также побывал в на территории Кремля, давно хотел воочию увидеть Царь-колокол и Царь-пушку. Посмотрел кремлёвские храмы. Я с особым чувством отношусь к старине. Порою кажется мне, что если я дотронусь до древних стен, то услышу гул многих веков, какие пронеслись на Русью. Или мне просто хочется так думать, но я всегда благоговейно «притрагивался» к истории. Есть в древности многое такое, что нельзя обожествлять, не всё творилось со светлыми мыслями, но относиться к прошлому надо доверчиво и трогательно.

Осматривая достопримечательности, музеи, я всё время думал о ней, о своей семье. Думал, думал... И ни к какому конкретному итогу придти не мог. О, эти колебания, эти своего рода качели... Всё имело своё значение, но кроме всех этих важностей, перевешивала важность моей дочери, которая как-то странно не вписывалась ни в какую их них — она была вне всяких сравнений, она была самой важной! Из Москвы я дал телеграмму той, от которой только что улетел,

где написал лишь одно слово: «Здравствуй!» — и всё. Тогда ещё женщина на почте, принимавшая телеграммы, спросила: «Это и всё? Ну как-то неопределённо... Не хотите ещё что-нибудь прибавить?». Я ответил, что нет, этого достаточно... Впоследствии она написала: *«Прошло то всего два дня, как ты улетел, всего два дня, а ощущение вечности уже. А тут пришла телеграмма от тебя, а в ней просто написано: „Здравствуй!“ — и больше ничего, я даже ничего не поняла сначала, а потом подпрыгнула от радости, сердце еле удержала в себе, вот какой ты?.. Ты точно одинокий и в тумане, как мне рисовал себя».*

Часть 2

*Не может быть! вы лжёте мне, мечты!
Ты не сумел забыть меня в разлуке...
Я вспомнила, когда в приливе муки,
Ты письма сжечь хотел мои... сжечь!.. ты!..
Игорь Северянин*

1

Домой я прилетел утром. Ещё спали и жена, и дочь. Жена спросонья спросила, голоден ли я... А я был голоден? У меня был труднейший перелёт, пересадка в Москве. Так был голоден я?.. Ответил, что нет... Она так и осталась в постели. Во времена, когда в наших отношениях ещё всё было хорошо,

когда я находился в каких-то поездках или командировках, то при любой возможности спешил позвонить, услышать голос жены и детский писк дочери. И что?.. В ответ я слышал, что она спит, — имею в виду жену, — и что я позвонил не вовремя. Помню, как однажды позвонил из Москвы после долгого отсутствия и услышал всё то же самое. Вот из таких моментов и складывалось будущее наших отношений. Тогда меня закрутило возмущением так, что этот случай долго мною помнился. А может запомнился навсегда.

Так, «не вовремя» тогда, «не вовремя» потом, постепенно переросло в «не время» нашим отношениям?.. Я всё чаще задумывался над разводом и делал глупости, она — в ответ. Дальше шёл, отдалялся от неё, она платила тем же... В дебри, в глухие дебри отношений мы заходили всё дальше и дальше и дошли до момента, когда стало обоим понятно — пора разбегаться. Я подал заявление, а если есть ребёнок, то надо было проходить семейного психолога. Мы пошли... Не знаю, что произошло с ней: либо она испугалась, либо с кем-то советовалась, но у психолога сказала, что не хочет разводиться и что ребёнку нужен отец — вспомнила. Тогда семейный психолог дал время на принятие обоюдного решения. И вроде бы поначалу всё складывалось хорошо, а потом всё покатилося, как и раньше. У неё не было внутреннего чувства ежедневного семейного долга, а потом и я перестал чувствовать себя обязанным ей... Нет, нет, пушистым себя не считаю, но знаю точно, что к семье был готов ещё тогда, когда её

встретил. Полностью готов. А вот она, давая согласие, представляла семейную жизнь таким забавным приключением.

— Всё по той же классической схеме у вас складывалось, — прервал я Алексея, — Отчуждение, измена, поиск на стороне... Хотелось бы остановиться на измене. Измена кому, чему? Супружескому долгу? Но это тогда, когда жизнь идёт по установленным законам семьи и вдруг он или она решают завести связь на стороне. А если всё летит к чертям собачьим? — это можно назвать изменой? Наверное, можно, но тогда у двоих во главе угла должны стоять хотя бы долг и элементарная честь... Причём честь обоюдная — мужская и, равно с ней, женская. Извини, что прервал. Продолжай!..

Скоро проснулась дочь, увидела меня и протянула свои ручки. Произнесла:

— Папа мой!..

Вот он — простой миг, который меня вернул на землю, стёр глупый вопрос: «голоден ли я?». Я взял её, сонную, мягкую, пахнущую ребёнком, до бесконечности нежную... Она

обвила мою шею своими ручками, положила на плечо кудрявую головку и, что-то бормоча, затихла. Я вдыхал её запах. Она удивительно пахла моим ребёнком. Да! именно моим ребёнком, потому что я брал на руки других детей, но они пахли по-другому. А чтобы понять, как сильно её люблю, я брал её пухлые ручки и слегка прикусывал, на что она всегда говорила: «Не кисяйся, папа, не кисяйся». Смешно, правда... Когда она болела, я носил её на руках и что-то тихо-тихо говорил ей. Так было и сейчас. Я не мог выпустить её из рук и стал ходить по комнате. В этот момент весь мир был у меня на руках... Этот мир всё менял. То, что ещё вчера казалось ясным и определённым, сегодня обрело туманные очертания. Он привёл в порядок разбушевавшиеся чувства — и любовь, и страсть, и желания. С этим миром на руках ещё долго ходил по комнате, пока он не успел уснуть. Я аккуратно положил его на постель, прошёл на кухню готовить себе завтрак, вдруг ощутил в себе дикий голод.

Вот видишь, как перед, вроде маленьким препятствием, неожиданно, многое гаснет в тебе, что ещё вчера было ярким, прекрасным. Даже и не гаснет, я неправильно выразился. Скорее, как при проявлении фотографии, медленно проступают контуры реального, того, что в жизни есть основополагающее, за что ты несёшь полную ответственность. А для нас это дети!.. Сегодня ощутил себя не имеющим силы воли что-то кардинально поменять, с каким-то ощущением жертвы. И пока ещё не понял, кто она, эта жертва: я или кто дру-

гой. Я — в том числе, но и та, в которой поселил надежду. А ещё звучали во мне слова мамы, чтобы не оставлял дочери своей. Дело в том, что если она давала мне какое-то наставление, то я старался выполнять его неукоснительно. Срабатывала сила слова матери, а это почти закон. Его я старался соблюдать и в студенческие дни, и в годы армейской службы, и потом, и в последующие годы... И теперь, помня её слова, очень стараюсь выполнять их, когда её уже давно нет в живых. Сейчас они вспоминаются особенно остро, потому что сила их была подтверждена самой жизнью.

Понимаешь, на расстоянии, как многое видится более значительным, так и притупляется чувство к тому, кто отсутствует... Вот такое вроде взаимоисключающее, парадоксальное ощущение. Возможно, это только у меня так, но мы знаем сколько примеров подобному. Чувства, развившиеся внезапно, привязанность, близость — всё это должно чем-то подпитываться. Они складываются из совместных целей, дел, разговоров. Любящие друг друга люди должны общаться, делиться эмоциями и переживаниями, быть близкими друг другу. Является ли общение на расстоянии любовью? А может, оно лишь создаёт её иллюзию?.. Здесь ещё к расстоянию присоединяются время и невозможность встреч, которые медленно, шаг за шагом, убивают возникшие чувства. В разлуке любовь, как правило, чахнет. Но тогда была ли это любовь?.. Стоит ли затягивать такие отношения, на расстоянии? Не знаю... Кто может однозначно ответить на этот му-

чительный вопрос? Наверное, стоит, если они действительно что-то значат. Общение на расстоянии, как правило, не спасает чувства. Жизнь требует присутствия любимого человека рядом, чтобы они разгорались, крепили и жили.

— Или, наоборот, чтобы затухали они, — тихо вставил я, — Многие романтизируют отношения, а впоследствии сталкиваются с обыденностью. И уже тогда человек раскрывается совсем с другой стороны. Невозможно понять, какой человек на самом деле, ведь издалека все кажется идеальным. Согласен?..

— Всё так, тому в «истории мы тьму примеров слышим», [6] — кивнул мой собеседник, помолчал, потом возобновил свою повесть...

2

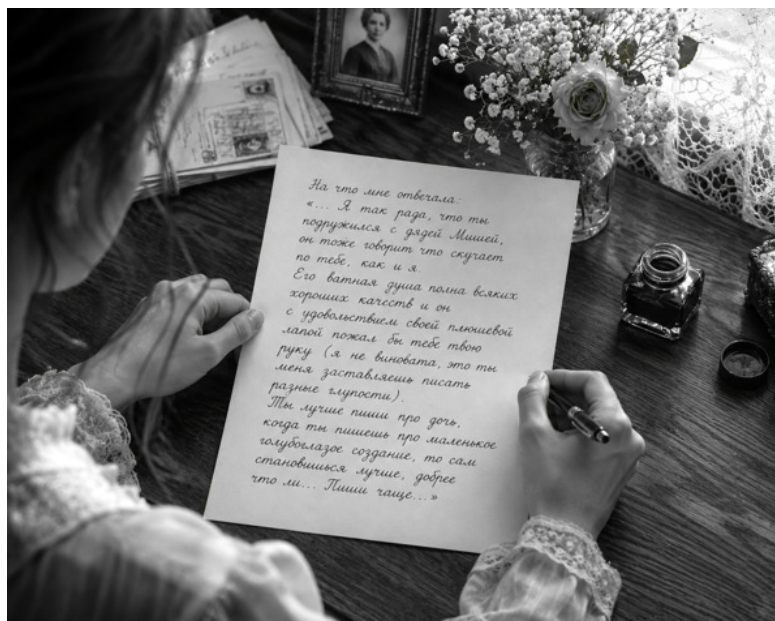
Так постепенно мы втянулись в переписку, и все строки были искренними, все чувства ещё пылали, ещё ощущался аромат близости. Я получал от неё страстные письма, а в них такие строки, которые могли восприниматься не только, как о любви, но и как укор моему отсутствию рядом: *«Я не знаю, кто пишет тебе это письмо. Только могу сказать точно не разум, а моё непутёвое сердце, вышедшее из повиновения. Это оно предательски стучит часто-часто, заставляет бледнеть, мешает спать по ночам и будит не от моего будильника, а от прихотливого желания думать, думать...*

Заставляет залазить с головой под одеяло и вздыхать: „Ну сколько можно думать обо всём этом?“. Вот только нет ничего утешительного в этих раздумьях. Я большие запутываюсь, кляню себя за то, что не нахожу сил в себе не писать тебе... Ты улетел как бы в другой мир, в котором я не могу жить твоими мыслями и чувствами даже в представлении. В начале, живя чувствами недавней встречи хочется писать, думать каждую минуту, но это проходит и появляется другое чувство и знание, где-то там, далеко есть человек, который думает о тебе... Ты же понимаешь меня? Понимаешь!.. Господи, как же плохо-то без тебя...».

Дома, естественно, я не мог писать письма, поэтому уходил на почту и там, среди скопления народа, отвечал на них. Потом привык, и шум, и гам посетителей главпочтамта мне уже не мешали. Благо стол был большой и стульев хватало. Была бумага, и ручка имела с чернилами. Знаешь, как в первом классе, с пером? Макаешь и пишешь. Даже в этом было что-то романтическое, уходишь в себя, абстрагируешься от людей иходишь в особый мир, где есть «он и она», как пел Тальков...

Иногда я писал ей милые несуразицы, это я ещё со студенческих лет называю «упражнениями в глупости». Мол, у меня есть мишка плюшевый, что его я ей отправлю, чтобы не было скучно. Он будет звать её: «моя госпожа», а пока я с ним дружу и он у меня лучший слушатель. Мишка понимает меня, как никто. Не позволяет меня прерывать и ни-

когда не грубит и не хамит мне. Привезёт письмо от меня в зубах: «Я приехал от А. Да будет благословенно имя твоё веки, госпожа моя. Дели со мною радость твою и печаль. Мои стеклянные глаза не моргнут, в них пляшет искреннее сочувствие и понимание. А когда тебе будет плохо, можешь ударить меня, если захочешь... Я не скажу ни слова, закушу свои плюшевые губы, чтобы не вырвались стоны моей ватной души...».

На что мне отвечала: «... Я так рада, что ты подружился с дядей Мишей. Он тоже говорит, что скучает по тебе, как и я. Его ватная душа полна всяких хороших качеств, и он с удовольствием своей плюшевой лапой пожал бы тебе твою руку (я не виновата, это ты меня заставляешь писать разные глупости). Ты лучше пиши про дочь, когда ты пишешь про маленькое голубоглазое создание, то сам становишься лучше, добрее что ли... Пиши чаще...».

Долго ли, коротко длятся отношения, они всегда приходят к какому-то завершению, об этом я знал точно... Вне дома своим сознанием я верил, что разведусь с женой, и тогда уж, тогда уж точно будет ясно, как надо поступить. Но тут же многое из этой ясности обрастало сомнениями: а смогу ли?.. Казалось, что вопрос уже решён где-то там, внутри меня, и разрешить его легко и просто. Но стоило придти домой, как меня затягивали нити всего, что окружало: привычка к жене — кто скажет мне, что это пустяк? Вряд ли поверю. Работа, обустройство быта, которое складывается не ежечасно, а годами. Потом приятели, друзья... Но самое главное меня приводило в ступор — я никак не мог оставить дочь. Это было всё равно что отказаться от неё. Часто вспоминал Гулливера. Помнишь, как его тонкими нитями связали лилипуты? Каждую из нитей он мог легко без усилий порвать, а их если много?.. Автор был тонким психологом и глубоким философом, если смог он в аллегориях передать такие явления действительности.

Если спросить меня, тешили ли моё самолюбие письма, которые я получал, ответу без увёрток — тешили. Их я прочитывал не раз и не два, а разы... Они помогали мне находиться на какой-то высоте, если так можно сказать, на которую моя жена никогда меня не поднимала. Заслуживал я такую высоту? Даже если не заслуживал, она необходима для внутреннего подъёма. Здесь оговорюсь: это высота не самомнения, а та нужная высота, к которой человеку следует стремиться. Это важно для жизни, чрезвычайно важно. Моё самолюбие купалось в словах, которые мне писали в письмах. Много ли надо мужику? И много и мало!.. Из мест, где его не ценят, только помани пальчиком хорошенькой женщине, ласково помани — и мужик попал. Так ли было со мной? И да и нет!..

Не было такого, чтобы женщина делала меня своим, словно я предмет для её необходимостей. Ведь есть же такие!.. Из-за этого пришлось выдержать немало ссор, когда схожему противился. Пытался внушить своей жене — научиться ценить спутника жизни. Наивный... По молодости полагал, что хватит сил для перетолкования основных понятий, если есть искажения. А у неё свои понятия, и, с её точки зрения, именно ты страдаешь искажением. Вот попробуй здесь прийти к какому-то общему пониманию, чтобы оттолкнуться и зажить душа в душу. Постепенно происходит основательное остужение разгорячённых чувств. Их словно омывают прохладной водой, а иногда и вовсе окатывают ледяной.

Это сказывается не только на отношениях в семье, но и на вновь вспыхнувших чувствах. Потом драмы, драмы...

Алексей остановился, задумался, что-то вспомнил, усмехнувшись опять заговорил...

Так вот про драмы... Знаешь, рассказываю тебе, а сам часто вспоминаю свою хорошо знакомую, которая умерла молодой. Она была, как и я, студенткой, но учёба не задавалась. Что-то в ней отвернуло её от сессий, семинаров и прочих лекций. Так и осталась жить в общежитии нелегально, а вокруг неё часто крутились мы. В ней удивительным образом при довольно грубой внешности, сочетались внимание и доброта, не показные, а естественные, свободно разливавшиеся на всех нас. Потом она заболела и быстро утасла... Её лицо, уже отчуждённое от этого мира, выражало спокойствие и понимание того, что нам, живым, было не понять и что когда-то мы тоже поймём, когда придёт наш час.

Помню её голос, говоривший мне при жизни:

— Милый, симпатичный дурачок, опять страдаешь, опять влюбился, и тебе это надо? — потом добавляла задумчиво, — Наверное, надо... Без этого ты — это не ты. Так и будешь скитаться, пока не соберёшь на себя ворох переживаний и драм.

И вот я, глядя на её лицо — уже фарфоровое, где-то восковое, подёрнутое неземной красотой, — с особой остротой почувствовал отсутствие её простых слов, от которых веяло материнской заботой: «Что же вы не видели красоту мою

при жизни? Она не в теле физическом...». Вспомнил о драмах, о которых она говорила. Как, не задумываясь и со смешком, многое в ней воспринимали. Запросто принимали от неё заботу о нас, товарищах, какие окружали её при жизни, как что-то естественное. Часто подшучивали над ней, но вот главное — мы её любили. Любили негласно, часто кружились возле неё, словно согревались от её полной, мерно покачивающейся фигуры. Возле неё постоянно кто-то находился, надоедая ей своим присутствием, а она и не замечала этого. Почему в ней было много терпения, понимания, участливости? Наверное, потому, что уже надвигалось на неё Вечное, какое знала душа её, а она спешила, как можно больше от-
дать...

Потом с товарищами несли гроб с её телом. Был не тяжёлым, а почему-то лёгким. Видимо болезнь иссушила физическое тело, оставив только часть его, чтобы ещё какое-то время в нём цеплялась душа до самой кончины. Пробежали годы... Среди тех, кто нёс гроб, среди моих товарищей, уже есть такие, кого нет в живых. Как странно, как странно... Она многое видела во мне, «симпатичном дурачке», что со мною будет. Знаешь, она не была мне особо близка, и тем не менее, я часто её вспоминаю...

Глаза его опять стали влажными. Глядя на него, я испытывал особое уважение за эти слова. Они были редки в наше время, а потому особенно ценны...

К столику подошла знакомая официантка и спросила.
— Мальчики, что-нибудь закажите?

Как это мило звучало — «мальчики». Мы улыбнулись, и седые «мальчики» заказали ещё по чашке кофе. Она удалилась...

Клиенты приходили и уходили, а мы всё сидели в углу кафе и смотрели в окно на всё ещё шедший дождь. Он моросил, не переставал, увлекал на землю вместе с каплями отжившие листья. Они устилали жёлто-зелёным ковром тротуары и газоны. Там, где росли рябины ковёр был темно-бурым. Хорошо было, красиво!.. Шли под дождём люди, держали над головой разноцветные зонты и всё шли и шли куда-то. Странно это: все куда-то идут и идут — им надо! Это как автомобили: всё куда-то мчат. Куда, зачем? одни в одну сторону, а другие в противоположную. Всегда ли надо куда-то мчать?.. Надо! Но не всегда!.. Это я по себе знаю, всё спешу, всё боюсь опоздать, а спроси меня, какая такая важная причина заставляет меня спешить — не отвечу, только скажу: «Мне надо!».

Нам принесли новые порции кофе, и опять его аромат приятно распространился в нашем углу. Алексей вновь закурил, отпил кофе и продолжил рассказ.

— Переписка затягивалась, её письма были неоднородными, если так можно сказать, неравнозначные по силе чувств

и по жизни, заключённой в них. Сомнения, которые всегда присутствуют в таких отношениях, качелям подобны — взмах маятника в одну сторону, потом в другую. Я, конечно же понимал её, вернее я пытался понять все её метания и сомнения. Нет, я не ублажал её слух своими обещаниями, но писал на отвлечённые темы, чтобы отвлечь от дум тяжких. Они тоже жили и во мне, но я мог переключиться на дочь, когда мы гуляли. Она своим беспрестанным говорком меня отвлекала на свои детские потребности и увлечения. Я даже с уверенностью могу сказать, что тогда я к ней был более внимательным, чем раньше. Выучил с ней множество детских стишков, наподобие:

Тут сучок и тут сучок,
Между ними паучок.
Разместился на рябинке,
Дом его из паутинки.

В письмах писал о дочери, о её метких словечках, про мишку косолапого, про Хрюшу. А ещё, конечно, я делился своими скромными познаниями в области поэзии и получал от неё такие строчки в письмах: *«Милый мой, дорогой друг! Хочется ещё и ещё повторять эти слова... Только получила твоё письмо, а в нём стихи Лорки. [7] Умеешь вернуть нужное в письма, знаешь как я люблю настоящую поэзию. Странные у тебя письма, словно ты прерываешь, а потом продолжаешь, но уже в следующем письме. Я не встречала*

такое. Ты хитренький, заставляешь ждать... Да?.. Ну что за прелесть слова:

Без тебя и птица
высохнет от горя,
и не брызнет соком
виноград зеленый. ^[8]

Ты не представляешь, как становишься дорожке и ближе. Даже осознание долгой разлуки не омрачает той радости, которую испытываю сейчас ...».

Ох уж эти женщины! Они могут враз поднять настроение и опустить его в одну минуту. Они — загадка, которую пытались разгадать многие великие писатели и поэты. Да что там — поэты и учёные не в состоянии. Кроме физиологических причин, на них влияют и внешние обстоятельства. То испытывают грусть, то повышенную эмоциональность и раздражительность, то бросаются в «телячий восторг», когда вдруг, без причин, поднимается настроение, и они щебечут, говорят, говорят — только слушай... А если не слушаешь, то может вновь настроение упасть до нуля.

Занимает меня и такой вопрос: что влечёт людей друг к другу? Ведь не только внешность причина, а ответы на это сидят гораздо глубже. Может быть, дело в энергетике любого человека, которую он источает в пространство. На всё ведь действуют законы физики, и в отношениях между людьми

также, только энергии, какими владеют люди, более тонкого характера и более высокой степени чувствительности. Замечал ты или нет: посмотришь на человека, а он в ответ посмотрит на тебя, хотя до этого момента он совсем не смотрел и даже, наверное, не знал вообще о твоём существовании. Я читал о силе человеческого взгляда. А здесь он сам источает в пространство свою энергетику и получает в ответ другую — почти мгновенно. Не знаю в какой степени мгновенность происходит эта мгновенность, как быстро он анализирует принятую информацию и посылает свою реакцию в ответ. Происходит такое помимо сознания. Это на более высоких уровнях человека, на подсознании, что ли...

— Ты прав!..., — включился я, — Мне особенно нравятся слова из одного Учения, которое я читаю и перечитываю, где можно найти ответы на многие вопросы, которые ставит перед тобою жизнь. Так вот эти слова: **«Что же такое человек? Человек — это живойдвигающийся магнит, постоянно и непрерывно привлекающий к себе из окружающей сферы, или пространства, энергии, соответствующие его психомагнитной природе»**. [9] И здесь, в твоём случае, действует закон созвучия или соответствия. Жизнью, знаниями себе доказал и утвердил, что ничто не стирается в памяти, но здесь говорю не личностной памяти, а памяти души, которая накапливается многочисленными воплощениями, жизнями. И хранится в ней всё разнообразие человеческих душ и ценностей. Интересная мысль просле-

живается: встречи, происходящие в этой жизни, есть следствие встреч и отношений, какие случились в предыдущих жизнях. Так можно объяснить внезапное, порой непонятное влечение к тому или иному человеку или, наоборот, отторжение.

Этим объясняется и то, что к некоторым особям мужского пола, я по-другому не могу сказать, липнет немалое количество красивых девушек. Однородность и схожесть энергетик притягивают их к своему источнику. Замечал? Конечно, замечал... Ну вот, почти лекцию прочитал, отвлёк тебя, извини.

— Не, нет, всё нормально, спасибо! Согласен со всем, что ты сказал. И, конечно, объяснить такое трудно человеческим языком — слишком скуден он для объяснения многих процессов и понятий.

4

Наша переписка длилась уже месяцами, и мы как-то незаметно начинали понимать, что вместе нам быть «не светит», а не писать друг другу — уже невыносимо. Невыносимо!.. Здесь всегда задаёшься вопросом — как долго? И себе отвечаешь, что ровно столько по времени, сколько будет нужно... Кому? Нам!.. Письма были всякие, полные надежды и оптимизма, нет! не на наши отношения, а вообще, относящиеся к жизни. Однако были и такие, в которых её настро-

ение падало почти до нуля, и она проводила параллели с героями её любимых фильмов. Как-то в ответ на одно письмо, где я описывал Москву и пытался шутить, она написала мне: *«... Алёша, я ни на что не надеюсь и ничего не жду. Все эти переживания — моё личное... Пересмотрела фильм „Осенний марафон“ и совсем не думала, что попаду своей жизнью в роль одной из героинь. Я не выдержу этого, прости... Прости, если резанула по больному месту, а у меня-то как болит...»*.

Так она металась из одной крайности в другую, сама себя накручивала и уставала от этого, часто плакала, долго, надрывно... Зачем? — так было ей легче... Она сама мне писала об этом, обзывая себя влюблённой барышней, для которой слёзы пустить — первое дело... Но это были искренние переживания и искренние слёзы. Я чувствовал её боль, где бы ни был, потому что думал о ней постоянно...

Наряду с письмами, в которых чувствовалась её боль и отчаяние: *«Другим везёт, им каждый день письма пишут, а тут пишу в какую-то неизвестность и опять злюсь на тебя... Наверное потому, что думаю постоянно о тебе, а ты где-то там, в неизвестности...»*, я получал и добрые, отзывчивые: *«... Наконец-то пришли твои письма. И всего три, а остальные? Ты же знаешь, что я жадная и люблю много твоих писем читать... Они такие ловкие, что их читаешь, читаешь и кажется, что ты совсем недалёкий, а протяни руку и дотронешься до тебя. Я попыталась это сделать, а*

ты, хитренький, ускользнул...».

Чтобы отвлечь себя, она мило описывала «зимушку» — так ласково обзывала она зиму. У неё был и вкус, и умение образно описывать то, о чём хотела написать. Это я заметил ещё тогда, когда мы близко общались, гуляя по городу, где она жила: «... Утрами морозец шалит и хватает спешащих на работу за всё что ему под „руку“ попадёт: руки, щёки, носы. Все пытаются бежать, да куда там — пока добежишь до тёплого места, то совсем дрожью прошибёт. Днём эта зимушка отдыхает, засыпает — устала от погони за носами. Уже дышит теплотою, и от неё рождаются сосульки. Днём они глядят на ослепительную белизну и начинают плакать — громко, безнадёжно — под лучиками солнца. А знаешь, как я ждущ твоих писем! От них я свечусь радостью...».

Я ей верил. Для меня она была понятной и такой, какую запомнил и держал её образ мысленно. А вот сам себе стал каким-то новым. Не могу хвастануть, что был наполнен хорошими чертами, но сторону нерешительности, я увидел в себе впервые. Покончить с семейными отношениями оказалось непростым делом, когда они уже туго завязаны не развязывающимся узлом — ребёнком. Здесь я сталкивался, уже говорил тебе, с непреодолимой преградой... И покончить с отношениями с той, далёкой, тоже не мог. Мог ли я не писать ей? Не мог! Мне самому необходимо было писать ей письма и получать её письма, любые: и те, где она жалуется

на разлуку, и те, где благодарит жизнь и восторгается ею. В первом случае во мне была потребность высказаться понимающему человеку, а во втором — услышать этого человека и как-то принять участие в его жизни. И леший поймёт, что творилось во мне. Её письмами я лучше понимал себя, утверждал себя, читая такие разные по настроению строки. Вот послушай:

«... А ещё со страхом думаю, что ты для меня становишься каким-то нереальным... Иногда думаю, что я сама придумываю тебе какие-то черты, которые хотела бы видеть. Просто с каждым письмом ты становишься ближе, понятнее и дороже. Когда тебя долго не слышу в письмах, возникает ощущение, что то, что происходит со мной — это мираж. Я хочу, да я хочу! чтобы ты всегда оставался таким, как в письмах и то, что я тебе приписываю — было не сказкой, а на самом деле. Милый мой, дорогой, напиши мне быстрее своё хорошее письмо!».

«... В голове неразбериха, даже страшно за свои чувства. А ещё больше я боюсь за тебя. Со мной всё ясно и понятно — всё, как у всех. А ты совсем другое дело. Знаю только, что ты ко мне хорошо относишься, а сама живу только чувствами. Хорошие чувства к другому человеку делают его лучше и я сама это чувствую, что изменилась...».

Или вот ещё: *«... Целых два дня я тебе не писала и старалась не думать о тебе... И так соскучилась!.. Хочу понять и не понимаю, почему я так много думаю о тебе. На-*

чинаю себе твердить, что нельзя так, что человека можно узнать только в трудной ситуации. Начинаю искать в тебе плохое, и ты мог убедиться по предыдущим письмам».

Она под воздействием своих чувств и сомнений выискивала повод изменить ко мне отношение, найти зацепочку, чтобы увидеть отрицательные мои качества, убедить себя себя в том, что ошиблась во мне, и успокоиться. Писала, что в любом человеке можно найти и хорошие и плохие черты, и понимала, что идёт такое от неопределённости, от большого расстояния друг от друга. Это сейчас набери какой-нибудь мессенджер и тебе услышится и увидится тот, кто на другом конце провода. А тогда были только письма и редкие разговоры по межгороду. Может я был из тех, кто хочет жить легко и красиво? Такие вопросы она задавала мне. Я улыбался и отшучивался в ответ. Но шутки не всегда рождались. Порою какое-то недовольство начинало шевелиться во мне. Я его придавливал, а оно, таясь, уже поселилось в закоулке моих потаённостей. *«Может от того, что чувства, которое испытываю не приносит радости, а всё больше и больше переживаний»*, — писала мне она.

— У тебя самого были чувства или они уже стали тиной покрываться? Это невероятно трудно — дать в себе чёткое представление о том, что творится внутри и насколько это отвечает действительности. Что тобою двигало продолжать переписку, ты понимал, что рано или поздно она должна придти к логическому завершению, — остановил я его, ко-

гда он вновь слегка задумался, — извини, что прервал твой рассказ.

— Ничего страшного... Уверенно могу сказать, что чувства были. А были ли сомнения? И это присутствовало. Но если я не писал ей несколько дней, то начинал места себе не находить. Мне нужно было ей что-то сказать, о чём-то поведать, описать природу, состояние своё, рассказать о том, что прочитал. Под рукой была своя огромная библиотека, и в ней я находил своё успокоение, а также многое схожее в романах и повестях. А ведь, как верно писали!.. Отношения между мужчиной и женщиной всегда интересовали творческих людей, которые талантливо описывали их. Читая их, чувствовал, что подобное испытываю сам, находил в строках писателей страдания, схожие с моими и напряжённо искал в них выход, то есть, как поступить. Глупец... Забыл поговорку: «чужую беду руками разведу, а свою и в толк не возьму». Так и здесь — надо было самому всё решать. А я всё ждал чего-то, ведь где-то всё равно теплилась какая-то надежда.

5

О моих отношениях с ней, о моей переписке, конечно же, узнала жена. Это стало дополнительной нагрузкой в наших отношениях. «Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу», [10] — помнишь слова из Евангелия. Не помогали и

отсылки к её отношениям. Ведь она — это она, а я — это я... Конечно, её отношения — сама невинность по сравнению с моими. Каким образом узнала? А я зевнул и оставил полученное письмо в своём пиджаке. Она и проверила, а увидев — прочитала:

«Милый, дорогой мой человек, здравствуй! Ты мне задаешь вопросы, на которые не решаешься ответить сам. Что хочешь от моих ответов? Ты же знаешь, что я не отвечаю тебе так, чтобы было лучше мне и тяжелее другим. Или я сама себе должна вынести приговор? Так я вынесла его ещё в самые первые дни нашей встречи. А ты взвалил то, что вынести тебе не под силу. О, только я не осуждаю тебя за твою слабость. Трудно очень и это я понимаю. И совсем, совсем не хочу, чтобы ты страдал и мучился, а потом страдала твоя семья... Чтобы ни кому не было больно — я должна уйти из твоей жизни. Моя боль будет гораздо безобиднее — она только моя. Смирись с тем, что у тебя есть. Лучше иметь синицу в руках, чем искать журавля в небе. Мне не легче от осознания того, что тебе плохо — я об этом итак знаю, потому что во мне все твои и мои переживания...».

Такое прочитать женщине, какое писала другая женщина... И кому? Её мужу?.. Да как она посмела разрушать её семью и смеет писать ему... До этого жена чувствовала, что со мною что-то творится «не то», что я где-то «витаю в облаках», а теперь я предстал пред ликом жены во всём своём

развращённом облике. «Russo turisto-oblico morale», [11] — помнишь из фильма восклицание торгующей собой женщины. Вот-вот... Теперь окончательно поблэк мой «облико морале» в глазах жены. Ну что поделаешь? Такова селяви...

Я смотрел на свою жену и мучительно думал, откуда это равнодушие взгляда на неё? Ну ничего не чувствовал к ней. Куда делись та симпатия и желание, которые ещё два-три года назад были. Как можно было растратить все чувства?.. Значит можно было. А сами чувства были? Да были!.. Но днями, месяцами шло «разбазаривание» их, причём с двух сторон, а в итоге простое сожительство под одной крышей. Так причём уже здесь моё «облико морале»?.. Долго ещё я слышал из уст моей жены слова о той, которая мне писала, как о чём-то падшем и совсем пропащем. Возмущению не было пределов. Это она «синица в руках», а та что пишет «журавль в небе»? Да как она смела такое написать!.. Чем окончательно добивала наши отношения, которые и держались на дочери, на простых человеческих чувствах. С моей стороны точно на ответственности. Можно с этим спорить, но это так!..

В жизни заметил одну странную вещь, понять которую не могу до сих пор, несмотря на свои седые волосы. Как это меня хорошего и красивого, я не про себя — обобщаю, поменяли на человека ничтожного во многих смыслах. Что сподвигло? Как можно было?.. А оказывается можно было... Забыть свои высокие человеческие отношения в угоду чему?

Кому?.. Что двигало?..

— Эта странность только в наших глазах, — ответил ему на его вопрос в пространство, — Но не в глазах её — девушки, женщины. Да, возможно, она спохватится со временем, осознает свою ошибочность, но потом. А тогда в её представлении, тот, на которого поменяла своего близкого, обладал более выразительными чертами и был способен на более решительные поступки. Это в твоих глазах он — «ничтожное» нечто... И идёт это от нашего уязвлённого самолюбия, от самомнения, а никак иначе. Чехов просто высказался по этому поводу: «Если хочешь понять жизнь, то перестань верить тому, что говорят и пишут, а наблюдай и чувствуй...». Так вот наблюдение — есть первое, потом анализ и в конце надо обязательно включать чувство. Вот только не спорь, не для этого я тебе сказал, просто выразил своё мнение, — быстро добавил я, заметив явное возражение, а может и поправку, — Лучше продолжай, а то утонем в спорах о собственных мнениях.

— Да и не собираюсь спорить. Хочу чувство поставить на первое место. Думаю, что в нём и заключается первая наша реакция, просто не всегда можем правильно расставлять приоритеты. Страдаю этим, к сожалению своему, подошедший к седым годам. О чём я? А о том, что когда-то, ещё будучи молодым, глядя на людей пятидесяти, шестидесятилетних, мне они казались такими, какие поняли что-то важное в этой жизни. Поняли такое, какое мне молодому хо-

телось понять, но ещё годы были не те, чтобы осилить. А подойдя сам к этим дням, я с печалью понимаю, что во многом так и остался тем молодым человеком. И многое, многое не просто не постиг, а даже не приблизился к пониманию и осознанию очень важных истин земной жизни. Не всех конечно, но многих... Ну, слушай дальше.

6

Со временем в её письмах ещё более усилились противоположные настроения. Нет не отчаяние, а понимание того, что мы в скором времени не будем вместе. Я её понимал, чувствовал её настрой, но сказать ей что-то конкретное не мог, не мог... Я писал ей об этом, я ей писал о многом, чтобы отвлечь, но не писал того, что могло поселить надежду. Нехорошо?.. Нехорошо!.. Знаю.

«Что тебе делать подскажут только твои чувства, их сила и глубина поможет понять тебе, как жить дальше. И я согласна, что время поставит всё на свои места. И нет в жизни безвыходных ситуаций — к какому-то выводу человек всегда приходит. Согласен? Просто знай, что как бы жизнь не распорядилась нашими судьбами, я буду очень благодарна ей за встречу с тобой... Звучит банально, но это правда, а как по-другому? Сразу тебе почему-то не могу отвечать, только через два-три дня. В промежутке, перечитываю десятки раз твои письма. Хитренький ты, ты пи-

шешь интересные письма... А ещё, я много уже раз решила не отвечать тебе, то есть не писать вообще, но... Дня через три у меня мои решения рассыпаются в прах и я усаживаю себя поудобнее, представляю тебя рядом и веду разговор. Знаешь, это хорошо, ты меня не перебиваешь и никуда не в состоянии смыться...».

Потом писала о выставке Ильи Глазунова, которая проходила в её городе. Она знала, что я люблю этого художника и что сам видел большую выставку его работ в тогда ещё Ленинграде. Его цикл работ «Русь Великая», цикл работ к стихотворениям Блока, произведениям Достоевского меня в своё время потрясли. Делилась со мной, что большое впечатление произвела одна работа — малая по своим размерам, «почти неприметная». И что эта работа, которую она назвала «Жизнь». Правда я видел её тоже. Она называлась «Лестница».

«...Есть ли слова, что могут передать то впечатление, какое я вынесла с выставки. А на выходе меня остановила почти неприметная работа. Она написана углём: длинная, длинная лестница вверх к горизонту, занесена снегом, деревянная и „ветхая“. Где-то ближе к середине человек. Следы его на нижних ступенях словно нерешительные, как броски в разные стороны, а чем дальше, тем увереннее его шаг, но сам он словно уставший».

Я помню, с каким великим вниманием сам её рассматривал. Тогда был поражён тем, как просто углём, без цвета и до-

полнительных художественных изысков, художник смог передать всю суть нашей жизни. И она тонко уловила всю нерешительность и робость первых шагов путника по полям этой жизни... Ах! как тонко она подметила. Пробежал по жизни уже более полвека я и должен с горечью заметить, что ни одна из спутниц моих, такого бы не заметила. Я был очарован синими бездонными очами блоковской «Незнакомки». Помнишь у Блока стихотворение это? (Я кивнул).

И очи синие бездонные
Цветут на дальнем берегу.

Как я бы хотел вновь постоять возле глазуновских работ и быть сопричастным им. Конечно, как зритель, но и зритель может быть сопричастным.

«Цикл „Русь Великая“ поражает взглядами персонажей, заставляет сосредотачивать внимание на глазах их... Они такие!.. Кажется наполняются каким-то внутренним светом. Сама история глядит с его картин... Вдумаешься — оторопь берёт... Мне нравятся такого характера картины, которые не просто пленяют красотой изображения, а которые заставляют задуматься я». Здесь я сам подписываюсь под всеми этими словами, а их написала девчонка, да взрослая, но по сравнению с нами теперешними, седыми, прошедшими «крым и рым», — просто ребёнок.

То шутила в письмах: «А я хочу тебе опять присниться и

снится всю ночь, чтобы ты запутался и заплутал, где находишься. Утром проснулся и ошарашенно озирался вокруг: „Где это я?“. Представила, как это будет выглядеть, а если борода, всклокоченная, в пуху от подушки — одна умора... Тогда ты слабым голоском скажешь „Господи просвети...“ и всё исчезнет... А? Как тебе такое? Получил? Сам научил глупости писать, а я хорошая ученица».

Ты всматривался когда-нибудь в цветы, любые? Они все обладают красотой. Нет некрасивых цветов!.. Было время, когда я специально ходил и всматривался в них, желая найти себе возражение, — не нашёл... Это поразительно!.. Так вот нет некрасивых глаз у девушек. Все они обладают своей неповторимой красотой. Остальные черты либо подчёркивают красоту глаз, либо дают эффект некрасивости его. У неё были красивые глаза, внимательные, пытливые, какие-то непоседливые, если к глазам вообще можно подобрать такое определение. В одном из писем сообщала, что её портрет хотел написать один сотрудник, хорошо рисующий: «...Один наш сотрудник хорошо рисует и на семинаре он пытался нарисовать мой портрет. Он рисовал и злился, что у меня постоянно прыгает выражение глаз. Нарисовал некрасивую, но с красивой шеей, потому что она оставалась неизменной».

А то вдруг они загорались смешком, какая-то хитринка пробегала в них, и тогда она с юмором мне что-нибудь говорила, когда мы были вместе, или писала: «А-а, забыла спро-

силь, как поживает твоя бабушка Луна?.. Забавный ты, когда одушевляешь такие космические тела. Так как она проживает?.. Меня удивляет, что вот только не давно она была молодым красавцем месяцем, а уже бабушка. Ты ничего не путаешь, разве бывают такие превращения. Когда говорила недавно „Здравствуй, мой месяц ясный!“, он был золотой и красивый. Не понимаю, когда успел потолстеть и постареть? Чудеса да и только!».

«Опять долго не писала тебе... Совсем не оттого, что не о чем или не хочу. Наверное от того, что время что-то приносит, а что-то безвозвратно отнимает. Накапливается столько недосказанного, недоговорённого — то, о чём невозможно говорить в письмах. И в то же время эта недосказанность тяготит, мешает писать свободно. Последнее время закрутила работа: и общественная, и и производственная, и... весна! Она, весна немного отступила, уступила метелям, заставила одеть надоевшее зимнее».

Письма, как ты видишь, действительно были неоднородными. О них и о нашей переписке можно ещё говорить и говорить, но этого уже достаточно. Говорил уже, что всему есть своё время. Письма стали приходить реже, а потом и вовсе она замолкла. Однажды она прислала мне такие строчки:

«...Ты стал неразлучен со мною всюду, где бы я не была, во всём, чтобы я не делала. Это для меня не требует доказательств, от этого ещё большие страданий. Старо, как мир! Правда?.. Ты мне поразительно близок. А ещё больно

осознавать, что мне не суждено быть рядом с близким душой человеком. И как жить дальше, я не представляю... И писать не буду, вот допишу это письмо и всё... А ты? Как мог ты так зажечь меня, столько хороших умных слов написать, заставлял своими письмами смеяться, радоваться, плакать, сомневаться, искать и читать, то, что ты читаешь. Хотя в чём твоя вина, только лишь в том, что умеешь красиво написать и выразить словами то, что я хотела бы услышать, в этом?.. Знаешь то, что многие перенесут спокойно — для меня кровоточащая рана. Счастья тебе!.. Прощай!»

Нет, на этом письме, которое процитировал, она не прекратила писать, но однажды это случилось. Что произошло со мной? ровно ничего, я не ощутил никакой боли, а должен был... Не любил я её что ли? Не согласен с этим, не согласен. Я её помню и теперь... Так почему я ничего не почувствовал?.. Почему?.. Вот такая моя история, ну на сегодня достаточно нам с тобой говорить и так перевыполнили план по сотрясению словами прошлого и пространства. Будет продолжение. Когда? Не знаю... Но обязательно доскажу тебе её...

Мы вышли из кафе, осень дохнула своим дождём, прохладой и уже вечерней порой. Дышалось хорошо, как-то свободно и полно. Атмосфера помещения слегка поднапрягла, от-

того и дышалось с особым удовольствием. Дождик ещё моросил, и влажность плотной стеной окружила нас. Тёмное небо не радовало ни единой звёздочкой, а откуда-то из пространства глядело на нас зловещей далью. Мы пошли по аллее, не раскрывая зонтов.

Под ногами валялись большие листья стоящего рядом клёна. Они осыпались и шапкой лежали на тротуаре. Листья каштанов уже стали насыщенно-ржавые, листья дуба приобрели глубокий буро-коричневый оттенок. С ними соседствовали тополиные — более зелёные. А немного далее уже ноги наступали на медно-красные, огненно-рыжие листья рябины, словно на остывающие угли осени. Всё было устлано ковром, какой при дожде немного поблёк и ноги не шуршали по листве. Хорошо было, чисто, омыто водою и, как всегда, немного грустно. Но я об этом писал в начале. Мы какое-то время шли вместе молча. Никто не хотел нарушать свой мир разговором, да и уже не говорилось. Чуть погода разошлись каждый в свою сторону.

Я шёл под осенним небом и думал, как многое у людей похоже и, вместе с тем, как многое своё, неповторимое... Отчего Алексей не остался с этой женщиной? Была недостойна его? Да нет же! Судя по рассказу, она была и интересна, и красива, и не без таланта. Так что же? И вообще, зачем такие встречи случаются? Чтобы что? Не может такое вмещаться лишь в похоть и временное влечение. Где-то в пространстве такие отношения оставляют свои глифы, свои нестираемые

временем следы. Значит, они predeterminedены и вписываются в судьбы будущих жизней. Не уничтожается ни временем, ни пространством чувство, которое мгновением, по космическим меркам, промелькнуло между мужчиной и женщиной, а затем родилось нечто более серьёзное — то, что называют любовью. А иначе зачем же всё это, зачем жизнь, зачем все сложности её...

Мы ходим не только по земле, но и под далёким небом, под звёздами. Это ноги наши ходят по земле, а голова ближе к звёздам, а значит — ближе к мечте и надежде.

Часть 3

*Всё повторимо на земле,
Всё на круги свои стремится.
Сто тысяч раз, в земной тоске,
Любовь в разлуку превратится.
Katerina Maksimova*

Пробежало несколько месяцев, прежде чем мы вернулись к продолжению разговора, который происходил осенью. Уже наступила зима, прошли новогодние праздники, приблизились Святки, которые по православной традиции, охватывают период около двенадцати дней — от Рождества Христова до Крещенского сочельника, от Вифлеемской звезды до святой воды Крещения, или, в народе просто называют: «от звезды и до воды»...

Встретились на том же месте, в нашем любимом кафе «Фонтан». Здесь варили хороший кофе, заваривали в турке на песке, потом подавали его в чашечке, от которой струился тот неподражаемый аромат, который кофе приобретает в результате обжарки. Хорошие языки говорят, что в образовании кофейного запаха участвует около восьмисот веществ. Да! я не оговорился — около восьмисот... А те же языки утверждают, что любовь к нему, к кофе, напрямую зависит от генов. Как и почему — не знаю, но так говорят.

Итак, мы заказали кофе, нам его принесли и мы в удовольствие отпили по несколько глотков. Он пробежал по нам, освежил, и стало совсем хорошо. Я напомнил Алексею про незаконченность нашей давней беседы и, вроде как, пора её продолжить.

— Да, да, помню, что не закончили... А ты что? Что-то пишешь по этому поводу?

Я уклонился от прямого ответа, сказал, что сделал кое-какие записи, а придёт время — напишу повесть.

— Ну ты обобщи, а то негоже конкретно обо мне, хорошо? — я утвердительно кивнул.

Дело в том, что свои произведения не писал точно с «натуры» кого-то, всегда собирательно, привнося в поле рассказа, повести художественный вымысел. Так немного, для аромата. Как в напиток кофе участвует множество оттенков запаха, чтобы он обрёл неповторимый вкус.

Так и в художественном произведении: для достоверно-

сти добавляешь по капле разных историй, чтобы настоялся аромат повествования.

Алексей откинулся на спинку стула, достал сигареты и закурил. Я посмотрел на него. Он сосредотачивался, пытался убежать сквозь время и сделать пространственный скачок в то место, где происходили события нашей повести. У него отросла борода, лицо стало походить на лицо мудреца. Да и я обзавёлся своей. Своим взглядом цепко схватил меня, собеседника, потом отпил кофе, затянулся сигаретой и немного погодя продолжил...

— Прошло более двух лет. Я уже развёлся с женой и первое время жил с ней под одной крышей. Не могу сказать, что мы устраивали друг другу скандалы, нет... Надо отдать ей должное, она как-то смогла достойно существовать под одной крышей со мной и сохранила перед дочерью уважение к её отцу. Дочь подросла. Вместо маленькой говоруньи выросла этакое беспокойное, вертлявое существо, с которым не соскучишься.

В один день прекрасный я вспомнил о ней, о той, с которой переписывался. Нет, конечно, я и раньше всегда помнил, но тут как-то беспокойно стал думать и чаще и чаще вспоминать её. Почему? Не знаю, но позже я попытаюсь порассуждать в этом направлении. Подошёл мой отпуск, и я всё равно собирался двигаться в сторону тех мест, где она жила. Отца уже не было в живых, маму забрали к себе мои сёстры. Я взял билет на самолёт до её города, чтобы потом поездом вернуться к родным — благо, было недалеко.

Прилетев в этот город, добрался до дома, где жила... Я тогда запомнил дорогу, по которой ходила она на работу и на обед. И что?.. Знаешь, я скоро увидел её. Она шла красивая, уверенная, радостно внимая весне. И правда, всё вокруг оживало, преображалось, как это бывает весной, когда всё вокруг зеленеет, греет солнце и воздух становится особенный. Словом, всё было противоположно тому времени года, в котором мы впервые встретились впервые. Птицы пели по-

весеннему. Осенью многих из них уже не было, а в этот день всё будто слилось в один хор: и природа, и солнце, и птицы. Снега не было, деревья выпустили свои клейкие листочки, и вот-вот должны были взорваться цветы всей своей красотой. Как тут не радоваться? Только самые закоренелые злюки могли не улыбаться окружающему миру.

Она шла по аллее, я окликнул её. Волновался ли я? Конечно! Она словно споткнулась, остановилась и сначала смотрела в землю, уж не послышалось ли ей. Голос мой хорошо знала. Потом медленно подняла голову и стала смотреть по сторонам. Я стоял недалеко... Она увидела меня... Постояла, как бы соображая, уж не привиделось ли ей. И что ты думаешь?.. Она бросилась ко мне. Теперь уже я опешил, не ожидал, что попаду в объятия. Но она не дала мне долго предаваться недоумению. Засыпала вопросами, взяла за руку и увела к себе... Многие диву бы дались, глядя на эту картину и зная предысторию. Вот такая неожиданная встреча случилась у нас спустя почти три года.

— А у меня было какое-то предчувствие встречи. Я почему-то думала последнее время о тебе чаще, чем следовало. Вот так, Алёша, на каком ты облачке приплыл ко мне? Это тебя бабушка луна прислала? Чудеса и только... Знаешь, а ведь я научилась у тебя всяким глупостям и когда у меня нет желания прямо отвечать, то я включаю всякую словесную пургу — помогает. От меня быстро отстают. Мне это помогло развязать свои отношения с человеком, который был,

вернее оказался дрянным. Ну не буду об этом. Я сказала ему просто, что он никогда не дарил мне пушистые облака. Он выпучил глаза и повертел пальцем у виска. Мне этого стало достаточно!..

— У меня отпуск. А так как мне не надо лететь дальше, как раньше, то я отсюда вернусь к своим родным поездом, — и я рассказал изменения в жизни родителей, не упомянув пока о своей личной жизни.

— И у меня почти ничего не изменилось. Разве что едва не выскочила замуж, да слава Богу! — отвёл меня от этого человека. А в остальном: дом, работа, родня, поездки к родителям. Я говорила тебе, что живут они совсем рядом. Так же, как и раньше, обо мне беспокоятся родные, подруги переживают, на работе всё хорошо — там я в большом почёте. Ну а ты? Как семья, как дочь? Словом быстренько расскажи о ней, этом голубоглазом существе.

Я всё рассказал... Она внимательно поглядывала, пробегали в её глазах искорки шутливого взгляда, словно говоря: «Ну вот видишь, ты сам пришёл к какому-то результату, а раньше?.. Да-да, помню! — дочь...».

2

Алексей замолчал, пил кофе, курил сигарету, поглядывал на посетителей.

— Знаешь, — обратился он ко мне, — Вот здесь, после

своего рассказа, я попал в капкан дальнейших объяснений: для чего я здесь. А действительно, для чего?.. Сказать, что прилетел поведать, — было бы неприлично. Сказать, что просто пролетал мимо, — выглядело бы слишком тривиально. Как было объяснить своё появление рядом с ней? А я просто сказал, что забыть её не забыл и что в последнее время часто стал вспоминать. Сказал без жара в словах, без трагедии в голосе. Я знал, что она не поверит пафосным объяснениям.

— Да, признаться, и мне невдомёк, зачем пошёл в ту же реку, ведь нельзя же ступить дважды, — сказал я, словно подводя черту под его словами, — Знаешь, я всё-таки где-то чувствую зачем. Они, такие встречи, необходимы нам для встряски. Правда, задумываемся ли мы, что тем самым подвергаем повторным испытаниям того человека, с которым вступаем в отношения.

— Я порою думаю, что встречи подобные предопределены. Ну посуди сам: ведь не подруга её упала на мой взгляд. Я и внешность её уже не помню. Встретив, не узнал бы. Отсюда следует, что случайных встреч не бывает. Что в них? Возможно эти встречи из предыдущих или ещё фантастичней — из будущих жизней? Не все, конечно, но среди них есть такие, которые становятся, как бы, спасеньем, переосмыслением. А проще говоря, перетряхиванием своих жизненных «пожитков» и взглядов. Это может не осознавать мужчина, да равно и женщина, если оказываются в подобной ситуации.

Такие встречи заставляют пересматривать отношение к ребёнку, к долгу, к самому себе. Смешно, да?! Даже к своему семейному долгу можно прийти через связь на стороне, через так называемую измену. Да-да, я уже предвижу чьё-то насмешливое: «Ха-ха!». Это же понятно, я совсем не рассматриваю такую связь для угождения своего разбушевавшегося естества. Нет чёткого ответа, кто кому изменял. О-о! только не подумай, что я оправдываю связь на стороне, если семья благополучна и супруги уважают друг друга. Я говорю о почти развалившихся семьях, какой была моя. А на тот момент её уже не было, но была дочь. И в подтверждение приведу её слова из второй серии наших отношений:

«... Столько хочется сказать тебе, передать всё то, что сейчас во мне. Ты как будто разбудил меня. Со мною произошло очень хорошее и я благодарна тебе за это... Знаешь, когда мы гуляли, и я на тебя обиделась, сказала, что „буду смотреть на солнышко“... Я смотрела на чудное солнышко, уходящее за кроны деревьев в ночь и думала, что в первый раз после длительного периода по-настоящему любовалась им, как прежде и даже почувствовала, как оно согрело меня. Но это не солнышко, это ты меня согрел. Я почувствовала такую мощную поддержку во всём том хорошем, чем жила когда-то и должен человек жить».

Однако продолжу...

— Многое мне в самому было непонятно: зачем мне всё это? Ведь вроде ясно всё, она не приедет в мой город, а я не уеду от дочери. Какая-то неразрешимая ситуация. Только теперь понимаю, как многое из того, что я говорил и писал, было тяжело слышать и читать ей. У неё тогда не было того опыта, какой был у меня. Она ещё не прожила жизнь с ошибками, потерями, камнями на пути. А сколько их ещё ждало впереди... Интересно, вспоминала она меня или нет? Наверное, вспоминала, если я мысленно касался её. И улыбалась ли мне — такому далёкому теперь по времени и пространству, как я улыбался ей?

А с другой стороны, можно было понять и меня... Чувства мои были настоящими. Я часто хотел, очень хотел бы сжечь отношения, но как бы сильно не хотел — не смог. Всё в мире имеет свой срок, свой конец. Жизнь животных, растений и человека тоже имеет свой предел. Всё имеет свои границы, и человеческие отношения — тоже. Они зарождаются, расцветают, живут, а потом постепенно гаснут и уходят в своё завершение.

Вот сейчас тебе рассказываю, зачем, чтобы ты записал, да нет же, но очень хотелось кому-нибудь рассказать. Они одни из многих тысяч, миллионов людей, чьи отношения однажды зародились к человеку, которого я однажды встретил, рядом с которым прошёл совсем короткий путь — больше на расстоянии, чем рядом — и чьей судьбы теперь не знаю. Разве

можно так просто закончить, чтобы никто, никто в мире не узнал, что мы жили и были такими. Время пройдёт и сгорит, станет пеплом то, что страдало, мучилось не спало, писало письма... Это целый мир, который когда-то вспыхнул во мне и прошёл со мной через многие годы, а теперь живёт в памяти.

Сейчас думаю, был ли я хорошим мужем, верным своей семье впоследствии, уже в другой семье? Да, был. Мне встретился замечательный человек, жена родила мне дочь уже в мои далеко немолодые годы, но... Но я вспоминаю тех, кто когда-то был рядом со мной. И если не признать этого — значит глубоко обмануть самого себя и память о них. Однако я не сомневаюсь в своей верности и уважении к семье. Я обожаю жену и дочь. А ту, далёкую, я любил. Любил за её любовь ко мне, за письма полные и тепла, и чувств, и за минуты подаренные мне своим участием. Это сложно объяснить — как и почему... Да и как было не любить такого человека?

А теперь я подхожу к тому, о чём упомянул раньше, — зачем такие встречи были нужны мне и ей...

Странно, но второй раз я появился в самый тяжёлый для неё момент, Зачем? Почему? Чтобы открыть новые раны?.. Лишь потом я понял, что эта встреча повторная нужна была не только ей, но и мне для спасения. Спасения? Это громковато звучит, но верно... Она недавно прервала отношения с мужчиной, который был, по её словам, «дрянным», а я со-

всем недавно развёлся с женой. Будто кто-то свыше послал нас друг другу, как в первом случае, так и во втором. Послал для того, чтобы легче залечить то, что болело. Сразу я этого даже не понял. Время — великое испытание и великая в нём правда. Оно всё расставляет по своим местам. Первый раз она появилась, когда я споткнулся о семейную жизнь. Она же была недовольна собственной судьбой, часто пребывала в депрессии. Наши отношения встряхнули меня, разбудили, заставили снова смотреть на мир так, как этот мир того заслуживал. Но произошло это через боль и разлуку. Похожей жизнью жила и она. Да, было тяжело смириться и ей, и мне. Да, мы разбежались по своим жизням, но уже будучи оздоровлёнными, готовыми к новым отношениям. Звучит странно, но чем дольше я думаю об этом, тем крепче прихожу к такому мнению. Нет! это не оправдание ни себя, ни её — не оправдание!.. Просто существуют объяснения на более сложном уровне, чем тот, на котором люди привыкли судить и чесать языками.

— Ты полагаешь, тебе поверят в это объяснение? — прервал его коротко.

— Неужели ты думаешь, для меня это важно, поверят или нет. Не верят — это их право. Мне нужно самому объяснить многое в своей жизни, не считаясь с мнением толпы. И пусть не обижается возможный твой читатель, что включаю его в толпу. Ведь ты всё равно будешь об этом писать. Вот и напиши всё так, как я говорю! А там... как Господь положит.

Не буду описывать те дни, что провёл у неё. Через несколько дней она уехала к подруге, это заранее было оговорено, а спустя пару часов и я сел в поезд, отправившись к родным. Было ли такое же чувство, как в первый раз. И да, и нет!.. «Да» — я вновь почувствовал, что оживаю, что во мне ещё остались те чувства и влечения к ней, какие я испытывал когда-то впервые. «Нет» — не было той боли и безысходности, какие были при разлуке годы назад. Кроме того, мы договорились, что она заедет ко мне после моря и мы там уже что-то определим для себя. Продолжу...

4

Началась вторая серия нашей переписки. Теперь мне не надо было таиться, прятаться. Я жил один в общежитии и был предоставлен самому себе. По приезде домой, после родных моих, меня уже ждали пара писем, вот одно из них:

«Везёт же тебе, пишу каждый день... На работе дни рождения, юбилеи отмечаем, а во многом отдуваться мне приходится — рисую стенгазеты, оформляю подарки, делаю альбомы. Вот видишь, какая я занятая. Одной трудно, иссякает фантазия, иногда приходит подруга на помощь. А вчера гуляли у сотрудника. Юбилей, ему 50 лет. Человек замечательный, добрый, интеллигентный. В большой комнате стеллажи с книгами. Один из самых интересных мужчин в институте и жена его удивительная... Оба они мудрые и

добрые. Хочу в пятьдесят быть такой!.. Я спела много песен и мне наговорили немало комплиментов, что знаю много старых песен, романсов и, что со мною весело. А ещё я неплохо играю на гитаре.

А для тебя я в следующих письмах напишу, какой ты хороший. Ладно?».

Или другое, в котором она вновь подтверждала своё отношение к благополучию — то, о чём не раз говорила мне в наших разговорах.

«У моей сестры благополучная семья — «всё есть». Считается, что у неё хороший муж, золотые руки, всё может сделать, но они совершенно разные люди. Она интереснейший человек. Когда вышла замуж, танцевала в ансамбле, увлекалась музыкой, много читала, рисовала — всё оставила, мужу не нужны её увлечения и он постепенно опускает её до своего уровня. Они не радуются друг другу, а это страшно, ведь так жить «убого». Общие дети, общее хозяйство, просто живут вместе... Я так жить не хочу! Помнишь, как у Пастернака, «во всём мне хочется дойти до самой сути...». А может человек должен действительно сам дойти до многого.

У нас сейчас здорово! Синее чудное небо, яркое солнце и всё удивительно похорошевшее. Знаешь, я чувствую себя в каком-то полёте. Я просыпаюсь и улыбаюсь новому дню и тебе. Милый, родной, как я счастлива, что ты есть! Спасибо тебе за всё и даже за то, что поругал меня тогда...».

Не беспокойся, я не буду тебя засыпать строками её писем. Это как бы подтверждение того, что отношения наладились и можно было смело идти навстречу друг другу. И странное дело — где-то что-то меня останавливало. Спрашивал себя: «Что?», — и ответа не находил. Да, я только недавно развёлся, ещё многое было у меня «под кожей»: все скандалы, переживания и прочее, что связано с распадом семьи. Но было и ещё что-то. Было — я чувствовал это, но не мог дать разумного объяснения.

Я ей исправно отвечал. Мои письма не были переполнены чувствами, я не фонтанировал эмоциями, был гораздо сдержаннее. А у неё опять случались полёты, полёты настроением то вверх, то вниз... Кому это понравится?.. И мне не нравилось. Мне казалось, что в этом и кроется то, что смущало меня, что сидело и далеко, далеко тревожило. Естественно, я об этом не писал, наоборот, шутил в письмах, напоминал ей её шутки и слова в письмах: *«правильно ты говоришь, что хорошее надо в себе беречь, а это труд и нелёгкий»*.

Её письма стали более торопливыми. В них появилось много зачёркнутого. Значит что-то ей не нравилось в написанном, поправляла себя, а переписывать заново не хотелось. Это при том, что я знал, она многие письма писала с черновиков... В этом отношении была педантична. Почему? Раньше себе этого не позволяла, а сейчас изволь любоваться перечёркнутым. Видимо сработали её «эмоциональные брызги», как их она сама называла. Жаловалась мне в

письмах, что всю жизнь страдала от них, старалась вовремя гасить их, но они, словно искорки, чуть ветерком потянуло, они и разгорались. А потом приходило раскаяние. Мы все страдаем от эмоциональных всплесков, потом раскaiиваемся, а затем вновь впадаем в тот же самый блуд. Блуд здесь эмоциональный. Не подумай, что я про тот, какой обычно имеют ввиду.

«...Пишу, тебе пишу, а не посылаю. То кажется, что не то написала, то сумбур в голове, то совсем ненужное. А часто напишу слово „Алёшенька“ и сижу, только и вертятся самые ласковые слова, а ты ведь не любишь и запретил мне писать. У-у злодей! И что же, сударь я должна после этого писать вам? А?...»

«...Не сердись, пожалуйста, что я тебе долго не писала, только я не хочу ничего объяснять... Можно? Спасибо тебе за твои письма последние, в них я вижу всё того же тебя и это меня радует, а о себе ничего не хочу писать. Всё хорошо! Устала за лето, многие друзья и знакомые едут через мой город и останавливаются у меня, я им рада, но устаю. Много ходили вместе, часто ездили на Байкал, а ты знаешь, что это моё самое любимое путешествие. После него я всегда отдохнувшая и полна самых дерзких планов...».

Всё лето мы переписывались. Она готовилась к отпуску в начале сентября. Было как обычно, то радостное письмо, то уныние и почти отчаяние. В общем, вернулись те самые отношения, которые и способствовали нашей первой разлуке.

«О чём я думаю? Если честно — думаю о том, что два года назад ты решил остаться с семьёй. Что дали тебе эти два года... и что мне? Семья не сохранилась, ты всё равно развёлся, а для меня прошедшее время, как тяжёлый камень, который лежит на груди и от него комок к горлу и боль от пережитого. Прости, что написала, совсем даже не хотела ни о чём таком писать. Мой дорогой, я так скучаю по тебе, а ты совсем не пишешь. Так хочется поговорить с тобой. После тебя мне опять хочется жить с интересом, увлекательно и много знать, как ты».

В одном письме она особенно была похожа на саму себя. Так естественно и искренне излагала своё отношение к жизни и окружению своему. Мне нравились её многие письма, например, как это. Они письма помогали мне, нет не тешили самолюбие, а именно помогали восстанавливаться, приобретать уверенность в жизни, быть собой и любить саму жизнь во всех её проявлениях:

«...Какая чудная погода у нас сейчас. Сейчас у нас всё цветёт: яблони, сирень, акация, черёмуха. Чудо, как хорошо!

Сейчас тебе пишу, а по подоконнику стучат капли дождя. Они мне что-то напоминают. А-а знаю что... Тогда тоже стучали капли о подоконник и ты был рядом, как это было здорово, непередаваемо! Ты не расстраивайся, если мои письма будут эмоциональными, меня не переделывать. Просто хочу видеть в жизни хорошее и красивое, а не только приземлённое. Всё что ты пишешь очень верно и я с тобой

согласна, да! Я по своей природе эмоциональный человек, но это не значит, что оторванный от мира... Я по тебе очень скучаю!»

5

В начале сентября она уехала в Сочи. Провела две недели на море, потом прилетела ко мне. Тогда ведь исправно работала гражданская авиация и что есть силы трудилась на перевозках людей внутри страны. Страна была огромная, целый Союз нерушимый республик свободных. Я её встретил, как и договаривались, у себя в городе. Была она загорелая после моря, дышала свежестью и вся светилась радостью встречи. Мы много гуляли, она рассказывала об отдыхе, кокетливо упомянула о своих успехах у сильного пола. Она была интересна мне даже не столько своей красотой, а тем своим внутренним миром, какой проступал в ней, во всём. Слушая её, я любовался ею.

А потом, во время одной из прогулок, она взяла меня под руку. Я попросил её этого не делать. Почему? Да очень просто: не мог я сразу после жены идти под руку с другой женщиной. Объяснить это толком не могу — какой-то бзик... Что-то на уровне внутренних установок. Не мог — и всё. Многие скажут: как же так? Где-то мог обнимать её, мог любить, а идти по улице под руку — не мог? Да! Именно так — не мог! Она поначалу страшно обиделась, хотя я это делал

максимально мягко, потом успокоилась, но я был уверен, что она запомнила это.

Внешне всё оставалось хорошо. Отношения оставались прекрасными, но какая-то трещинка всё же пробежала между нами. И это почувствовали оба. Мы больше не говорили на эту тему. Так почему же трещинка? Она неправильно меня поняла или не захотела понять. А я это воспринял, как проявление гордыни и самолюбия. Пожалел ли я потом? нет не пожалел. Однако мне стало жаль, что она неправильно меня истолковала, не почувствовала моего состояния, хотя перед своим отпуском своим написала мне довольно искренние и трогательные строки:

«... Что там у тебя творится, это передаётся и мне. На душе тревожно... Думаю о тебе слишком много... А сколько надо? Кто-то сможет мне ответить? Когда же у тебя наступит нормальная жизнь...».

— Это мне напомнило, причём явно, — неожиданно отвлёкся Алексей от рассказа, — давнее время, когда я возвращался домой, к родителям, от девушки, с которой встречался. Тогда, прощаясь с ней, остро почувствовал: что-то нарушилось в наших отношениях. При этом явных явных признаков не было. Словно что-то сработало на более высоком уровне сознания. Будто мы сдвинулись с привычной дорожки, по которой шли навстречу друг другу. Словно шепнул мне кто-то или что-то с небесных высот: «Скоро финиш вашим отношениям!». Я летел в самолёте и не мог взять в толк,

что могло произойти, какие ошибки с её или моей стороны были озвучены для такого финала. Что меня встревожило и заставило думать в этом направлении? Нет! ничего не было особенного. Разве что в последнее время я был более задумчивым и более молчаливым, чем обычно.

— Ангел-хранитель шепнул тебе, — усмехнулся я, — В этом, конечно, нет ничего смешного, а вполне возможно, что так и было. Кто бы что ни говорил, а нам всегда идут подсказки, всегда подаются знаки, как поступить, но племя людское давно пребывает в самости, не видит знаков, не видит явного...

— Приходит на память цыганка, встретившаяся мне тогда, когда летел от той девушки. Я шёл по улице в одном из сибирских городов, где оказался проездом. Лето, тепло, отдыхающие люди вокруг и я... Был спокоен, не любопытен и не озирался по сторонам. Меня окликнули, я остановился. Передо мной стояла цыганка — молодая, приветливая, неназойливая, что редко можно встретить среди крикливых, нагловатых гадательниц. Без дерзости, без навязчивости, даже не попросив позолотить ручку, она сразу сказала: «Едешь ты издалека, и далеко ещё следуешь. Занимают тебя думы о ней. И в той, от кого едешь, ты не уверен. А ждёт тебя родной человек и не один», так бегло, почти мимоходом, без нажима, проговорила, почему и согласился выслушать её. Заинтриговала — умеют... Где у меня было написано, что я не местный, а приезжий? Откуда могла знать о надтреснутых

отношениях? Но что делать — заинтересовался. Я же действительно летел издалека, от девушки, связь с которой подходила к концу. Я это остро почувствовал без всяких слов и каких-либо скандалов. Я тебе чуть выше сказал о них. В общем обозначились какие-то надрезы в наших встречах.

Рассказала цыганка обо мне много такого, что было в действительности. Сделала предупреждения, но сущность человеческая забывчивая... Вспоминал её слова лишь тогда, когда жизнь «шарахала по голове». Вспоминал, чесал «ушибленное» место — и снова в гущу событий, где не следовало мне быть. Ох, уж эти цыганки!.. Что-то семейное у нас: отцу, маме моей также были сказаны цыганками пророческие слова... Многое сбылось у меня в жизни из её предсказаний. Теперь уже можно судить, каковы они были, из области ли шарлатанства или читалось во мне проблески будущего. В подтверждение могу привести одну лишь фразу: «Твоя жизнь не будет связана с местом, где ты родился и вырос, а далеко от него». И это сбылось!.. Как видишь, живу я почти на другом конце света от тех мест, где родился.

Но возвращаюсь к своему рассказу. Уже недолго займу тебя. Да и самому рассказу скоро придёт конец

— Через несколько дней она уехала. В момент расставания была необычно молчалива. Я спрашивал её, почему. Она отмахнулась парой дежурных фраз, мол, просто грустно прощаться. Но опять я почувствовал, не это было причиной. Что-то засело в ней, какая-то обида. Может быть, из-за того,

что отказался идти с ней под руку, а может, всё вместе собирательно накопилось. Была какая-то бесперспектива. Мы не видели решения своих желаний. Да признаться, были ли они? если я не мог уехать от дочери, а она переехать за тридевять земель. Не покидало ощущение, что где-то серьёзно решается вопрос о нас — без нас самих. Что это не наши задачи, не наши совместные пути. Возможно, мы уже сделали друг для друга всё, что должны были сделать. Ответы, конечно, так себе. Будто я пытаюсь снять с себя ответственность. Но тогда что?..

Из дома она написала мне, что добралась благополучно.

«Я уже дома, даже не верится. Отсыпаясь от поезд-ки... Киев прекрасен. Посмотрела Золотые ворота, Софий-ский собор, посетила Флоровскую женскую обитель. Роспи-си церкви великолепные (если так можно выразиться), во-зили на место давно разрушенной Десятинной церкви, рядом Андреевская церковь архитектора Растрелли, но ты конечно знаешь. Столько впечатлений!.. Однако много писать об этом не буду...

А прилетела домой, стало грустно, что всё кончилось и отпуск остался в воспоминаниях. Да всё в жизни уходит в воспоминания. У тебя взгляд стал более потухший, видимо страсти, что горели в нём стали угасать... Так?.. Не теряй, не теряй всё хорошее в себе. Раньше ты так умел кра-сиво излагать свои мысли, доброжелательно и и лукаво по-глядывая на собеседника. А в отношении к собеседнику про-

являл такт и воспитанность и было в этом больше достоинства, а не самолюбия... Ты не потеряешь это? Потому что без этих понятий нет места слову интеллигентность. А у тебя шикарная библиотека. Вот бы мне с годик попастись в ней!

Дома уже глубокая осень. Осенний букет сделала из рябины, из веточек черёмухи и из нескольких астр, добавила колоски овса и покрыла всё лаком. Получился великолепный и теперь стоит в глиняном горшке и радует глаз (твое выражение)...».

Думаю, не было в моём взгляде ничего потухающего. Грусть, да! И было отчего... Я был тогда в одном из самых важных узлов своей судьбы. И решение это было далеко нелёгким.

«Алёша, а ты хоть чуть-чуть горюешь по мне? Благополучно проводил меня из своего города, а теперь говоришь: „Сердце болит“. Конечно заболит, ведь оно остывает. Ты это чувствуешь, или я одна только?».

Как видишь, она тоже чувствовала что-то надтреснутое в наших отношениях. Правда, женщины нередко надумывают себе проблемы. Нет, правильнее сказать — накручивают. Иногда даже там, где никаких проблем ещё нет. Потом страдают от них, а затем мужественно их преодолевают. Но эта женщина была особенной. С тонкой душевной организацией. Она хорошо чувствовала и себя, и меня. По многим вопросам мы находились словно на одной волне.

Где-то она уловила мою волну сомнений. И эта волна передалась ей.

«Столько слов хороших, нежных, ласковых звучит во мне для тебя. Ты слышишь? Я тебе говорю их которую неделю. Я очень болела, было так плохо, что я тебя представляла рядом и становилось легче. Давно тебе не писала. Неприятности и болезнь выбили меня из колеи. Ты не представляешь, как не хватает тебя. Я столько думаю о тебе! Здесь у меня всё есть, а оказывается, что ничего — вот такой замкнутый круг.

Ты пишешь, что не можешь оставить дочь свою, это же нормально для нормального человека, не мучь себя. Я бы тоже не смогла уехать от своего. Если бы ты уехал, то здесь я бы вряд ли смогла быть счастливой, что ты лишил дочь её отца. Я бы была виновата перед ней... Опять круг, не разорвать. Пишешь, что увидимся через полгода. Я устала от этих ожиданий, ведь полгода — целая вечность. Столько событий в жизни и всё это отдельно друг от друга. Как то ты спросил меня по-глупому, ты так и сказал. Верю ли я в светлое будущее. Нет не верю, я верю в себя, в друзей (хочу верить), в любовь... А в жизни будет ещё сложнее. Вот так — сложнее. Мы будем жить ещё хуже, во всяком случае в ближайшие годы... А всё-таки в интересное время мы жи-

вём... Да?».

После этого письма перестала мне писать. Я её спрашивал, что случилось, почему она замолчала, — в ответ была тишина... Видимо всё вместе накопилось и она сделала выводы. Но месяца через три она позвонила мне. Я был на работе. Городской телефон был только у начальника отдела в кабинете. Народу было много, шло какое-то совещание по поводу проекта, который вскоре предстояло сдавать. Тогда мы занимались проектированием коммутационных станций для телевиденья по всему Союзу.

Я спросил её, почему она перестала писать мне. Вразумительного ответа она так и не дала. Лишь рассказала, что однажды на работе кто-то из сотрудников упомянул случай о мужчине, который после развода долго не мог ходить под руку с другой женщиной. Видимо, тогда до неё наконец дошло, что не всё так просто и что одной лишь обидой нельзя объяснить моё поведение. Теперь она понимала, почему я тогда так поступил. Однако что уж теперь об этом.

Я уже определился окончательно: ну раз так, что сделаешь... Она вновь пошла своей дорогой, в свою жизнь, а ко мне переезжать не хотела. Страшно было ей. Попросила прощения за ту свою тогдашнюю реакцию и мы попрощались.

Прошлый раз звучала песня Талькова «Летний дождь», так там есть ещё и такие слова:

Ты перестанешь мне сниться

Скоро совсем, а потом

Новой мечтой озарится остывший мой дом.

Время бежит, меняет окружение твоё и незаметно меняет тебя самого. Однажды ты начинаешь озираться и тогда «новой мечтой» озаряется некогда остывший твой дом. Так и у меня, скоро озарился дом мой и новой мечтой, и огласился новой семьёй!.. Время!.. Оно расставляет всё по местам, заживает раны и молча меняет многое на пути своём. А ещё время — это река, в которую нельзя войти дважды.

7

Мы довольно долго молчали после его рассказа. Заказали ещё по чашечке кофе. Алексей опять закурил. Нет, волнения у него не было. Отволновался в своё время. Теперь он, словно мудрец, всматривался в прожитые годы, прозревал время и делал мысленные остановки на самых важных поворотах судьбы. Мне тоже молчалось. Я любил подобные рассказы. Они служили толчком для моих повествований. Уже говорил, что делал какие-то заметки и по свежему рассказу кое-что записывал. Помолчав, спросил его:

— Это было правильное решение — расстаться? Ведь бывают случаи, когда вся дальнейшая жизнь идёт словно по чужому руслу из-за наших неверных поступков. Любой наш вывод, даже мысленный уже поворачивает русло нашей жизни.

ни с этой коррекцией. И, конечно, сложно отследить всю сложность и безошибочность нашего поведения.

— Правильно или нет, не моего уровня выводы делать, но я могу на своём месте прочувствовать, где я «накосячил» и, где мой алгоритм жизни повернул не в ту сторону, — задумчиво ответил мой друг, — Знаешь, жизнь похожа на математическую задачу, где «да» и «нет». Так вот там, где я вместо «да» выбрал «нет», меня и увело в сторону от предназначения.

— Постой, постой, а как же книга судеб, которая неизменна? Получается, ты считаешь, что её можно переписать? А может быть, тебе как раз и нужно было повернуть в это «нет», чтобы пройти какой-то урок?

— Всю книгу судьбы нельзя переписать. Но вовремя включить интуицию и правильно направить свой шаг — даже если ты уже однажды выбрал «нет» — вполне возможно. Да, ты потерял время, не использовал какую-то возможность, однако возврат произошёл уже более осознанным. А достойно пройдя этот путь, ты стал сильнее. Творец всё предусмотрел, в том числе и право свободного выбора.

— Если у тебя уже случилось на пути это «нет», значит весь дальнейший путь проходит во тьме, и получается, что жизненный алгоритм завёл тебя совсем не туда, — попробовал я затруднить мысль собеседника...

— Э-э, нет!.. Она, конечно же дала трещину, но ты смог определить правильное направление и вернуться на стезю

свою. Да, внешние условия будут уже другие, нежели в первом варианте. Будут тебя окружать совсем другие люди, но свою задачу ты всё равно станешь выполнять. Вот где пластичность совершенных космических законов. Сейчас читатели твои будут морщиться от разговора нашего, если правильно запишешь и передашь мысль словами. Ничего, пусть поморщатся, может какая думка брызнет им в голову...

— Да могут поморщиться, но это им не поможет. Ахи и охи лишние. Зато выражение: «В преодолении трудностей улыбка имеет больше силы, нежели вздохи» — эта мудрость, прочитанная мною давно, как-то стала часто вспоминаться в последние годы. И только теперь, уже в свои седые годы, я по-настоящему почувствовал значение слов и стал пользоваться её. Знаешь, она помогает, а ещё помогает восточная поговорка: « Утром удержи в себе радость в течении часа, а она будет держать тебя в течении дня».

В жизни важно, чтобы не приходили в голову такие выводы, какие дал поэт в одном из своих стихотворений. Его строки я прочитал ещё в молодости и с тех пор ношу их в памяти своей:

Над пустотой, — зови иль не зови.
И так тебя пронзит необратимо
Отчаянье растроченной любви...^[12]

— Этого у меня нет..., — ответил поспешно Алексей, —

Не жалею ни о чём. Считаю, что судьба или как мы с тобой обозвали её алгоритмом, была ко мне благосклонна. Надеюсь, и к ней тоже... Она заслуживает своего счастья. Я бы этого очень хотел.

Простого человеческого счастья.

* * *

После разговора и рассказа Алексея, мне захотелось пройти по зимнему послепраздничному городу. Ещё светились и сверкали разноцветными огнями ёлки в домах, на отдельных балконах радовали глаз праздничные гирлянды. Горела огнями ёлка на площади, а многочисленные прохожие спешили по своим домам. Спешили к своим семьям. Дом, семья, дети — что может быть важнее этих понятий?.. Да, конечно скажут: родина, отчизна, народ... И я соглашусь! разве можно возражать очевидному?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.